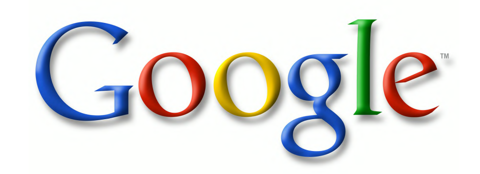
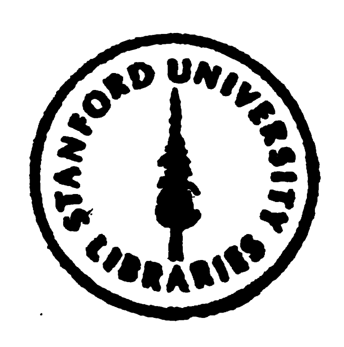
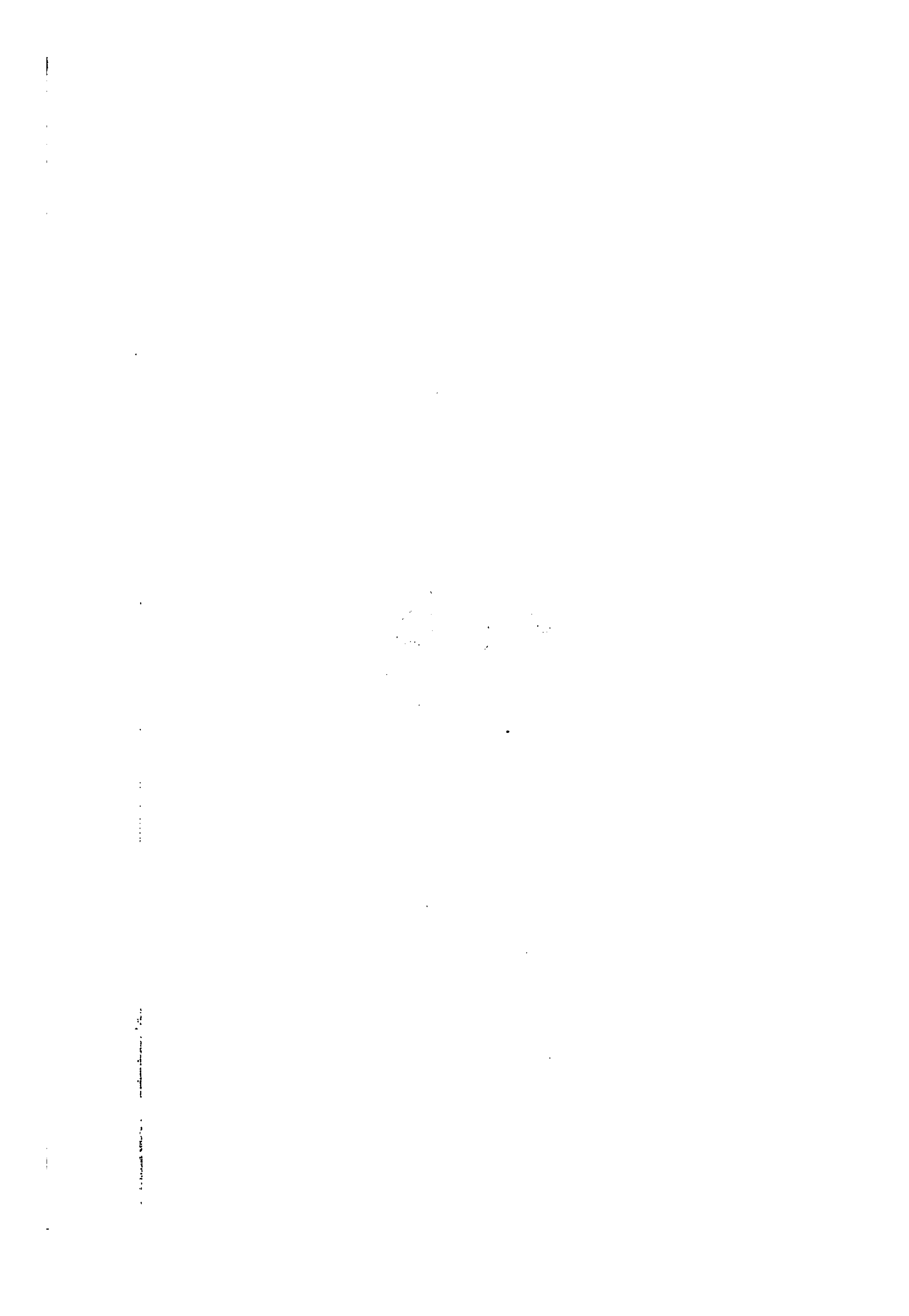
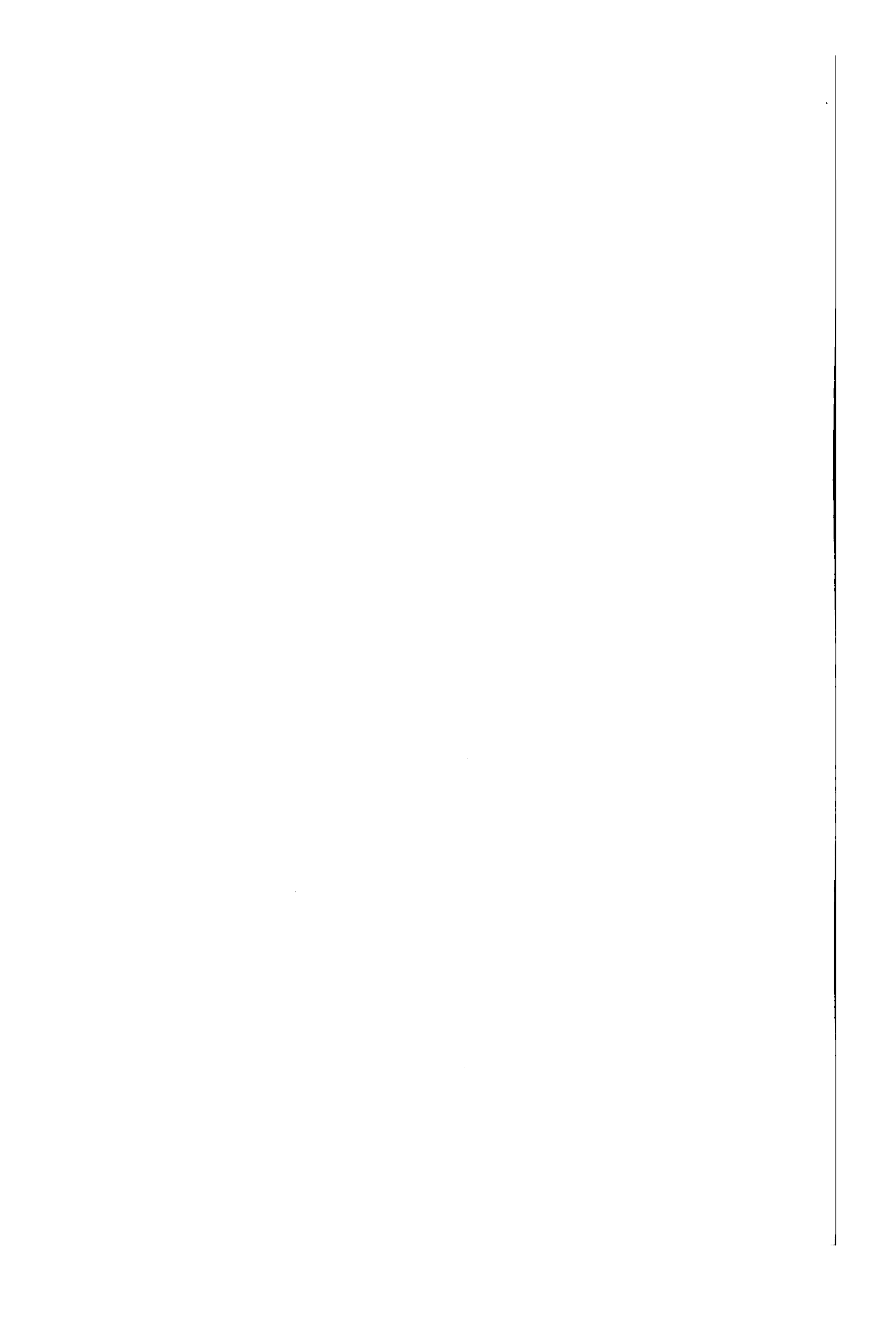

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОПЫТЪ ИСТОРІИ
ДЕНЕЖНЫХЪ ЗНАКОВЪ
ВЪ РОССІИ.

Часть I.

ПЕРВЫЙ НУМИЗМАТИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Денежные знаки въ Россіи при Ярославѣ I и ранѣе.

К У Н Ы.

„Оже ся гдѣ буду описалъ или „переписалъ или не дописалъ, чтите, „исправливая Бога дѣля, а не кля-„ните, занеже книгы ветшаны, а умъ „молодъ, не дошелъ“.

Мнихъ Лаврентій.

М. С. Левшиновскій.

МИНСКЪ.
Типографія С. А. Некрасова.
1903.

Дозволено цензурою. Вильно. 28 августа 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прошло уже 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ф. Кругъ въ „Предисловіи“ къ своему сочиненію „Критическія разъисканія о древнихъ русскихъ монетахъ“ писалъ: „Нигдѣ Историки, въ опредѣленіи цѣны встрѣчающихся въ отечественныхъ лѣтописяхъ денежнымъ суммамъ, столько не удаляются одинъ отъ другаго, какъ у насъ; потому единственно, что сія часть (русская нумизматика въ обширнѣйшемъ смыслѣ) почти совсѣмъ еще необработана“.

И въ настоящее время каждый, знакомый съ литературой древнихъ русскихъ денежныхъ знаковъ, долженъ придти къ тому же печальному заключенію. Одни изслѣдователи въ древнѣйшихъ нашихъ денежныхъ знакахъ—*кунахъ,* видятъ кожаные лоскутки, другіе,—металлическую монету, кто диргемы, а кто динары и т. под., и только очень немногіе признаютъ ихъ за цѣльныя шкурки куницъ и векшъ.

По моему мнѣнію такое смѣшеніе понятій и опредѣленій происходитъ оттого, что изслѣдователи разсматриваютъ наши древніе денежные знаки не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, и не придаютъ значенія мѣсту ихъ появленія. Между тѣмъ, если при изслѣдованіи соблюдать эти условія, то многое непонятное станетъ понятнымъ, вслѣдствіе чего явится возможность разобраться и опредѣлить: которые денежные знаки есть русскіе, государствиные,

и которые—иноземные, но допущенные къ обращенію въ той или другой части Россіи.

За тѣмъ русскіе денежные знаки должны разсматриваться въ связи съ исторіей русскаго народа. Это говорю на основаніи слѣдующаго соображенія:

Что бы образовать такое государство, какимъ была Россія въ X вѣкѣ, нужно было сплотить и слить въ одну общую массу разрозненныя и другъ другу враждебныя племена Россійскихъ Славянъ и сосѣднія съ ними не славянскія мелкія народности; для этого потребовалось совокупное участіе такихъ факторовъ, какъ: княжеская власть, законы, языкъ и *денежные знаки*.

Всѣ эти факторы,—за исключеніемъ денежныхъ знаковъ,—были мало чувствительны къ историческимъ событіямъ; даже нашествіе Батыя осталось почти безъ всякаго вліянія на нихъ.

Иное дѣло денежные знаки; обладая чрезвычайной чувствительностью къ историческимъ событіямъ, они своими измѣненіями рѣзко обозначили всѣ главнѣйшіе періоды Русской исторіи.

Поэтому русскіе денежные знаки,—это исторія Русскаго народа. Что бы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на *историческую Русь*, которою первоначально будетъ Новгородская область.

Съ призваніемъ Варяговъ въ Новгородской области появляется внутренняя и внѣшняя торговля.

А гдѣ есть внѣшняя торговля, тамъ есть и денежные знаки.

Денежные знаки въ Россіи появились раньше писанныхъ законовъ (Русской Правды) и раньше христіанства, въ этомъ убѣждаетъ насъ лѣтописецъ Несторъ, который подъ 882 годомъ повѣствуетъ, что „Олегъ

устави Варягомъ дань даяти,—отъ Новгорода по 300 *гривенъ* на лѣто“.

Упоминаемыя здѣсь *гривны*,—это денежные знаки, которые появляются въ 882 году, или ранѣе; послѣднее будетъ болѣе согласно съ логикой исторіи, ибо въ этомъ же 882 году Олегъ переноситъ великокняжескій столъ изъ Новгорода въ Кіевъ. Это обстоятельство даетъ право изслѣдователю къ вышесказанному добавить, что денежные знаки впервые появились въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ.

Какіе же это были денежные знаки?

Въ Новгородской области, какъ теперь, такъ и въ старину, золотыхъ и серебрянныхъ розсыпей не было, поэтому Новгородцы въ IX и X вѣкѣ своего золота и серебра не имѣли.

За тѣмъ, новгородцы,—живя въ странѣ съ суровымъ климатомъ, среди болотъ и лѣсовъ,—скотоводствомъ не занимались, а потому домашнимъ скотомъ были бѣдны. Слѣдовательно, у Новгородцевъ домашній скотъ не могъ изображать собою денежныхъ знаковъ, какъ напр. у древнихъ Грековъ, которые были народомъ пастушескимъ.

По свидѣтельству иноземныхъ писателей, у Русскихъ „быковъ, лошадей и овецъ совсѣмъ нѣтъ; они начали покупать ихъ у Печенѣговъ, и съ тѣхъ поръ зажили получше“ (Константинъ Богр.). „Рабочаго скота у Русскихъ мало“. (Ибнъ Даста). Да и Вел. князь Святославъ говоритъ, что серебро и *кони* онъ получаетъ „изъ Чеховъ и изъ Угоръ“. Вообще о торговлѣ скотомъ въ Россіи—нѣтъ извѣстій. „Единственный промыселъ Русскихъ,—это торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами“ (Ибнъ Даста, X вѣкъ).

Но лѣса и болота, среди которыхъ жили Новго-

родцы, изобиловали всякимъ пушнымъ звѣремъ, почему Новгородцы,—занимаясь охотой и звѣроловствомъ,—были богаты *шкурками пушныхъ звѣрей.* Если же ко всему этому добавить громадность разстояній и отсутствіе удобныхъ путей въ тогдашней Россіи, то всякому станетъ понятнымъ, что Новгородцы въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и съ иноземцами, вмѣсто денегъ употребляли не *скотъ,* а *шкурки* пушныхъ звѣрей, которыя, обладая, сравнительно, высокою рыночною цѣною, были по вѣсу легки, по объему—не велики, почему ихъ, подобно монетѣ, было легко и удобно носить, передавать изъ рукъ въ руки и перемѣщать даже на очень большія разстоянія.

И такъ, въ Россіи первыми денежными знаками были шкурки пушныхъ звѣрей, именно: шкурки обыкновенной *куны* (куницы), черной *куны* (соболя) и бѣлой *куны* (горностая), поэтому и денежные знаки стали называться *кунами.*

Въ 980 году, по взятіи Кіева, пришли Варяги наемники къ Владиміру и сказали: „се градъ (Кіевъ) нашъ, мы пріяхомъ и, да хощемъ имати окупъ на нихъ, Кіевлянахъ, по *2 гривны* съ человѣка. И рече имъ Володиміръ: пождите вы, дажь *куны* сберутъ за мѣсяцъ“ (лѣтописецъ).

Здѣсь *„гривны“*,—это *куны.*

А слѣдовательно, и *„300 гривенъ“*, которыя Олегъ установилъ брать ежегодно съ Новгорода, также были *куны.*

„Главное богатство Русскихъ составляетъ куній мѣхъ. Чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха“. (Ибнъ Даста, X вѣкъ).

Слѣдовательно, *куны были цѣльными шкурками* пушныхъ звѣрьковъ и имѣли названія: *куна, ногата, рѣзанъ, векша* или *вѣверица, гривна* или *гривна-кунъ* и *полугривна* (Рус. Правда).

Въ 882 году „поиде Олегъ, поимъ Игоря, изъ Новагорода къ Кыеву... И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ“.

Съ перенесеніемъ великокняжескаго стола въ Кіевъ, Русскіе пришли въ соприкосновеніе съ Византіей и Азіатскимъ Востокомъ, познакомились съ золотомъ и научились цѣнить его.

Между Русскими золото сначала обращалось въ видѣ иноземной монеты, подъ названіемъ—*золотники*. (Въ договорѣ Игоря съ Греками есть такое выраженіе: „да возметъ отъ него *золотника* два *имѣчнаго*“. Ипатск. лѣт.); а затѣмъ появляются и *гривны золота*, т. е. *слитки*.

Первое извѣстіе о золотѣ въ денежномъ смыслѣ,—не считая договоровъ съ Греками,—мы имѣемъ въ лѣтописи подъ 1016 годомъ, именно: Ярославъ на вѣчѣ говоритъ Новгородцамъ: „Люба моя Дружина, юже изъсѣковъ вчера вбезуміи моемъ, не топерво ли ихъ *золотомъ* окупити“. А въ завѣщаніи Владиміра Мономаха (1078 г.) и въ лѣтописи подъ 1097 годомъ уже ясно говорится о *гривнѣ золота,* напр. „Давыдъ иде въ Ляхи къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помогати и взяша у него *злата* Ѱ *гривенъ*“. (Софійск. врем.).

Но серебра на Руси въ народномъ обращеніи еще нѣтъ: у Великаго князя на пиру гости и дружина ѣдятъ деревянными ложками.

„Ни въ Русской Правдѣ, ни въ Несторовой лѣтописи нѣтъ слова о гривнѣ серебра; вездѣ говорится

или просто о гривнѣ (кунъ), или о гривнѣ золота". (Карамзинъ).

Умираетъ Ярославъ I; на Руси устанавливается удѣльная система. Между Русскими князьями начинаются безконечныя междуусобныя войны за великокняжескій столъ и удѣлы. Половцы усиливаются и перенимаютъ у Русскихъ всѣ торговые пути, что вмѣстѣ съ княжескими усобицами прекращаетъ торговлю съ Греками. А съ прекращеніемъ греческой торговли, прекращается и приливъ золота въ Россію. Между тѣмъ враждующимъ Русскимъ князьямъ для найма союзниковъ требуется золото и серебро. Западная Европа золота не имѣетъ; является усиленный спросъ на серебро. Серебро дорожаетъ, а цѣна кунъ быстро падаетъ. Въ Западной Европѣ въ общемъ употребленіи зильберъ-марки (Marka Silber),—это слитки серебра вѣсомъ въ 48 золотниковъ. И Русскіе вводятъ у себя такой же денежный знакъ, но называютъ его *гривной серебра.*

Первое извѣстіе о *гривнахъ серебра* мы имѣемъ въ лѣтописи подъ 1144 годомъ: „И вда Всеволоду Володимирко за трудъ 1000 и 400 *гривенъ серебра*". Затѣмъ извѣстія о гривнахъ серебра становятся очень часты, причемъ это сложное названіе часто замѣняется простымъ словомъ: *„серебро"* или *„сребро"*.

Гривны золота и гривны серебра по своей высокой цѣнѣ для простаго народа были недоступны; народъ въ своемъ повсѣдневномъ обиходѣ продолжалъ пользоваться *кунами,* такъ напр. во Псковѣ „осминка ржи великая по з҃ *рѣзанъ*" (1137 г.), а въ Новгородѣ „купляху кадь ржи по д҃ *гривны* (кунъ), а хлѣбъ по в҃ *ногатъ,* а медъ по і҃ *кунъ*". (1170 г.).

Въ первой четверти XIII вѣка появляются Монголы, и единство Россіи нарушается.

Послѣ монгольскаго разгрома Сѣверо-Западная и Юго-Западная Русь отдѣляются отъ Сѣверо-Восточной Россіи и образуютъ *Литовскую Русь*, причемъ Кіевъ,—опустошенный княжескими усобицами и въ конецъ раззоренный Татарами,—перестаетъ быть главою русскихъ городовъ и мѣстопребываніемъ Великаго князя Россіи.

Новгородъ со своими пригородами подъ защитой непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ,—избѣжалъ монгольскаго погрома и,—пользуясь слабостію Великихъ князей Суздальскихъ,—обособляется отъ Восточной Россіи въ особую Новгородскую область.

А Восточная Русь—(Суздальская-Московская), обложенная тяжелою данью, стала ханскимъ Улусомъ. И не смотря на это, вся историческая жизнь Русскаго народа сосредоточилась въ ней.

Расчлененіе Россіи прежде всего отразилось на ея денежныхъ знакахъ, ибо этимъ расчлененіемъ единство русской денежной системы было нарушено.

Такъ, Литовская Русь подъ вліяніемъ своихъ западныхъ сосѣдей, въ особенности Польши и Литвы, приняла ихъ денежные знаки: *гроши* и *пенязи*; а такіе города, какъ напр. Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ,—сдѣлавшись членами Ганзейскаго союза,—кромѣ грошей и пенязей, ввели у себя еще и денежные знаки, обращавшіеся въ г. Ригѣ, напр.: *Любецкій* (пфенингъ,) множ. число *Лобцы*, *изрои*, *корное серебро*, *заушни*, *долгѣи*, *оври* и т. д. (Русско-Ливонскіе акты №№ XLIX, LXXIV и др.).

А Новгородъ какъ городъ Ганзы, и вслѣдствіе развитія пограничнаго мелочнаго торга съ Лит-

вой, Эстами, Финами, Корелой и другими сосѣдними племенами, принялъ ихъ денежные знаки: *долгѣи*, *мордки*, *лобцы*, *гроши*, *артуги* и мн. др., и допустилъ ихъ къ обращенію въ своей области наравнѣ съ русскими деньгами.

Между тѣмъ Суздальская-Московская Русь,—сдѣлавшись данницей Монголовъ,—по неволѣ должна была свою денежную систему приспособить къ Ордынскимъ требованіямъ, что, въ концѣ-концовъ,—привело къ установленію въ XIV вѣкѣ новой денежной системы, ставшей съ XV вѣка до 1700 года *обще-русскою государственной системой.*

Такъ новгородскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что вслѣдъ за Новгородомъ, въ 1424 году и „въ Псковѣ деньги сковаша и почаша по всей Руской земли торговати деньгами“ Московскими.

По ходу Русской Исторіи мы знаемъ, что Суздальская-Московская Русь легла въ основу современной намъ Россійской Имперіи, поэтому денежная система Суздальской-Московской Руси,—ставшая съ XV вѣка обще-русскою,—должна быть признана *Русской Государственной денежной системой,* а денежные знаки, ее составлявшіе, должны быть признаны *Русскими Государственными денежными знаками.*

А денежные знаки Литовской Руси и Новгородской области, которые не входили въ Русскую государственную денежную систему, должны быть признаны *Провинціальными денежными знаками*, свойственными всякой окраинѣ. Такъ и въ настоящее время, напр. въ Финляндіи, обращаются *пенни*, *марки*, а въ Туркестанѣ—*коканы*, *тилло* и т. д. Эти денежные знаки, и имъ подобные, на окраинахъ принимаются въ уплату государственныхъ податей; но на

этомъ основаніи можно ли назвать ихъ *Государственными денежными знаками?* по моему мнѣнію, нельзя, ибо они къ повсемѣстному обращенію въ Россіи не допускаются, Поэтому они есть только *Провинціальные* денежные знаки, свойственные всякой окраинѣ, Кавказу, Польшѣ и т. д.

На основаніи всего вышеизложеннаго нумизматъ и историкъ, интересующіеся денежными знаками, обращавшимися въ Россіи послѣ монгольскаго разгрома, свои изслѣдованія должны начинать съ Суздальской-Московской Руси.

А въ ней относительно денежныхъ знаковъ произошло слѣдующее:

Татары, переписавъ Русскій народъ, обложили его тяжелою данью, въ уплату которой требовали золото и серебро, а *куны* принимать не хотѣли. Отъ неимущихъ, въ замѣнъ золота и серебра, брали все, что хотѣли, до женъ и дѣтей включительно. По выраженію лѣтописца, въ то время „живые завидовали спокойствію мертвыхъ“. Народъ терялъ терпѣніе и, временами, кой-гдѣ происходили избіенія сборщиковъ ханской дани, что со стороны татаръ вызывало месть, выражавшуюся въ частичныхъ разгромахъ русскихъ областей.

Русскіе князья, желая облегчить участь народа и избавить Россію отъ татарскихъ нашествій,—сборъ и доставку ханской дани приняли на себя. Но для выполненія такой задачи требовалось, что бы серебро (золота не имѣлось) сдѣлать доступнымъ для народной массы; для этого: 1) Въ началѣ XIV вѣка гривны серебра были передѣланы *на рубли* и *полтины;* а такъ какъ цѣна гривны-кунъ опредѣлялась по отношенію ея къ гривнѣ серебра, то съ уничтоженіемъ

послѣдней, были уничтожены и *гривны-кунъ,* и въ письменныхъ памятникахъ, относящихся къ Суздальской-Московской Руси, объ нихъ уже болѣе не упоминается, (а такъ же и о гривнахъ золота).

2) Въ началѣ второй половины XIV вѣка,—приблизительно 50 лѣтъ спустя послѣ появленія слитковъ *рублей* и *полтинъ,*—Вел. князь Московскій Димитрій Иванов., исполняя требованіе хана, ввелъ во всеобщее употребленіе на Руси татарскую серебрянную монету *тангу* (по русски—*денгу,* позднѣе—*деньгу*) и мѣдную—*пуло,* (позднѣе—полушка), со счетомъ на *алтыны,* причемъ *серебрянные слитки рубли и полтины были уничтожены,* а названія прежнихъ денежныхъ знаковъ обратились въ *числительныя монеты:*—слово *рубль* стало обозначать число *100;* слово *полтина*—число *50;* слово *гривна*—число *10,* (а алтынъ—число *6*).

Съ введеніемъ металлической монеты *куны единцы* (ногаты, рѣзани и куны) *были уничтожены.*

Монголы,—усвоивъ взгляды азіатскаго востока,—къ побѣжденнымъ стали предъявлять такія требованія: „будь моимъ рабомъ и на деньгахъ своихъ изобрази печать мою“.

Вел. князь Московскій Дмитрій,—уже съ почетнымъ прозвищемъ *„Донской“,*—и этому требованію долженъ былъ покориться, ибо на его имянныхъ монетахъ мы видимъ арабскую надпись съ именемъ хана Тохтамыша.

Въ послѣдніе годы великокняженія его сына, Василія, и при послѣдующихъ князьяхъ, въ Россіи стали чеканить только чисто-русскую серебряную монету, безъ арабскихъ надписей и безъ имени хана.

Всѣ владѣтельные Русскіе князья и нѣкоторые

города имѣли право чеканить монету, употребляя свой штемпель.

Но Вел. князь Московскій Іоаннъ III право чеканить монету оставляетъ только за Великими князьями Московскимъ и Тверскимъ и за независимыми городами: Новгородомъ и Псковомъ. Причемъ монета уже чеканится московскимъ штемпелемъ.

По мѣрѣ присоединенія Твери, Новгорода и Пскова къ Московскимъ владѣніямъ, вмѣстѣ со свободой, они теряли и право на чеканку монеты.

Вел. князь Московскій Іоаннъ IV устанавливаетъ окончательный типъ для русской монеты, и она,— лишь съ легкими колебаніями въ вѣсѣ, доживаетъ до 1700 года.

Вотъ Государственныя денежныя системы и государственные денежные знаки до Петровской Руси! А гдѣ же мордки, долгѣи, лобцы, лапки и т. п. денежные знаки? подъ которыми подразумѣваютъ кожаные лоскутки.

Ищите ихъ въ Новгородской области и въ Литовской Руси, а въ Суздальской-Московской Руси ихъ не было.

Это моя программа; по этой программѣ составленъ мой трудъ, первую часть котораго я отдаю на судъ любителей Русской старины.

М. С. Левшиновскій.

Глава I.

Русь до введенія денежныхъ знаковъ.

Въ началѣ второй половины IX вѣка Россійскіе Славяне уже вели осѣдлую жизнь и занимались земледѣліемъ, но жили въ простотѣ родоваго быта; имъ для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей достаточно было личнаго труда членовъ семьи. Такъ, жилище, домашнюю утварь и оружіе,—благодаря ихъ незатѣйливости,—Росс. Славяне дѣлали сами, а поле, лѣсъ и рѣка доставляли имъ въ изобиліи пищу, одежду и разные напитки.

Слѣдовательно, доставляя себѣ все необходимое собственнымъ трудомъ изъ окружающей природы, Росс. Славяне въ чужихъ товарахъ не нуждались, а потому и не имѣли внутренней торговли, ибо „повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой Славянами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ, одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи, тоже было и у Полянъ и у другихъ племенъ“[1]. Поэтому съ полною достовѣрностью можно сказать, что у Росс. Славянъ, до прихода Варяговъ, не только внѣшней, но и внутренней торговли не было.

Гебгардъ въ своей „Исторія Славянъ“ пишетъ: „мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о торговлѣ Славянъ Россійскихъ до временъ Рюриковыхъ“[2].

А гдѣ нѣтъ торговли, тамъ не можетъ быть и денежныхъ знаковъ.

Вотъ въ какомъ положеніи относительно матеріальнаго быта находились Росс. Славяне, когда въ началѣ второй половины IX вѣка между ними поселились Варяги Правители съ ихъ дружинами.

Призваніе Варяговъ для Росс. Славянъ составляетъ событіе чрезвычайной важности: разрозненныя и враждебныя другъ другу Славянскія племена и сосѣднія съ ними мелкія не-Славянскія народности, подъ властію Варяговъ, слились въ одинъ нераздѣльный народъ и образовали новое государство, *Русь*.

Изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что ко времени прибытія Варяговъ, Росс. Славяне уже имѣли города: Новгородъ, Ладогу, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и многіе другіе, но всѣ эти города первоначально строились для защиты отъ враговъ, а не для торговли, или иныхъ цѣлей, что подтверждается самымъ словомъ *городъ,* означающимъ огороженное мѣсто.

По выраженію С. Соловьева, Русь образовалась на дѣвственной почвѣ, на которой исторія и цивилизація другаго народа не оставили никакихъ слѣдовъ, никакихъ преданій. никакихъ учрежденій, Русскіе, при содѣйствіи Варяговъ, должны были начать свою историческую жизнь съ однѣми собственными средствами, поэтому въ государственномъ укладѣ вновь народившейся Руси такъ много оригинальнаго, но оригинальнѣе всего,—это русская древняя денежная система, для пониманія которой необходимо, хотя

поверхностно, ознакомиться съ первоначальною внутреннею и внѣшнею торговлею у Русскихъ.

Съ водвореніемъ на Руси Варяговъ-Правителей съ ихъ дружинами, между туземцами образовался многочисленный классъ людей, которые, живя по городамъ какъ воины или княжескіе чиновники, не занимались никакимъ промысломъ, почему все необходимое для своего существованія они должны были получать отъ туземцевъ, вслѣдствіе чего между пришельцами Варягами и туземцами создались такія отношенія, которыя въ скоромъ времени перешли въ торговыя.

Такъ на Руси возникла внутренняя торговля, которая въ началѣ, само-собой, была торговлею *мѣновой*.

Но Варяги были причиною возникновенія на Руси и внѣшней торговли, причемъ города,—первоначально выстроенные для защиты отъ враговъ,—съ водвореніемъ Варяговъ, обратились въ болѣе или менѣе значительные торговые центры; ибо города, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ Правителей или ихъ намѣстниковъ, чрезъ то самое стали складочными мѣстами хлѣба, меда, воска, пеньки, льна, шкуръ и т. пд. сырья, а также и всякихъ мѣховъ, т. е. такихъ произведеній, которыми туземцы были богаты, и которыми они первоначально уплачивали князю или его намѣстникамъ дани, оброки и всякія другія пошлины, начто указываютъ наши лѣтописи и писцовыя книги; такъ напр. въ 1289 году, когда въ Россіи уже существовали денежные знаки, Мстиславъ Галицкій, устанавливая „ловчіи на Берестьяны“, постановилъ отъ жителей брать: „...со ста по двѣ лукнѣ *меду*, и по двѣ *овцѣ*, и по пятинадесять десятковъ *льну*, и по сту *хлѣбовъ*, и по пяти церберовъ *овса*, и по пяти церберовъ

ровъ *ржи,* и по 20 *куръ,* а потому со всякого ста, а на горожанахъ 4 *гривны кунъ*"[3] (это мѣха).

Съ водвореніемъ Вараговъ, Новгородъ, какъ резиденція главнаго правителя, (впослѣдствіи и Кіевъ) дѣлается главнымъ складочнымъ мѣстомъ всякаго сырья, а чрезъ это,—и главнымъ торговымъ городомъ С.-Вост. Россіи. Развитію новгородской торговли способствовало еще слѣдующее обстоятельство: Новгородъ лежалъ на пути „изъ Варягъ въ Греки".

Изъ исторіи намъ извѣстно, что Норманы (Варяги) въ IX вѣкѣ промышляли въ прибережныхъ странахъ западной Европы торговлей и грабежомъ, поэтому можно сказать утвердительно, что Варяги, поселившіеся между Росс. Славянами, были знакомы съ европейскою торговлею, почему,—сдѣлавшись на Руси обладателями громадныхъ складовъ всякаго сырья, на которое между туземцами покупателей не находилось,—Варяги въ собственномъ интересѣ озаботились начать торговыя сношенія съ иноземцами. Но для того, чтобы привлечь иноземныхъ купцовъ въ Новгородъ (на Русь), Варяги-Правители должны были обѣщать имъ свое покровительство, личную и имущественную безопасность, разныя торговыя льготы и помощь не только въ Новгородѣ, но и на пути къ нему и обратно.

Такъ въ дѣйствительности и было, на это указываютъ наши древніе торговые договоры, отзывы иностранцевъ и Русская Правда[4].

Такіе письменные памятники, какъ Смоленскій договоръ съ Нѣмцами 1229 года и, такъ называемый, Дрееровскій договоръ, а также и Русская Правда, есть несомнѣнно отголоски временъ словесныхъ договоровъ и устныхъ законовъ, практиковавшихся при

первыхъ Варяго-Русскихъ князьяхъ[5]. Эти договоры составлялись такъ: *„абы нѣмчичу любо было"*, поэтому, вѣроятно, они въ нѣмецкой лѣтописи названы *„весьма благопріятными для иноземныхъ купцовъ"*. Вообще же *„иноземцы не могли нахвалиться мудрымъ безкорыстіемъ нашихъ правителей"*, такъ что Россія въ скоромъ времени стала славиться своею торговлею и своимъ богатствомъ. Иноземцы такъ отзывались о ней: *„изобильная всѣми благами природы"* (omnibus bonis affluentem)[7].

Первые иноземные купцы нашли въ Новгородѣ неистощимые запасы всякаго сырья и массу цѣнныхъ мѣховъ, что избавило ихъ отъ необходимости разъѣзжать по странѣ, не имѣвшей удобныхъ путей и населенной полудикимъ воинственнымъ народомъ. Вся эта масса цѣнныхъ мѣховъ и всякаго другаго сырья принадлежала князю, поэтому иноземнымъ купцамъ пришлось имѣть дѣло по куплѣ и продажѣ только съ княземъ, такъ что въ дѣйствительности выходило, что въ началѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній, иноземцы пріѣзжали не къ новгородцамъ или смолянамъ, а къ князю; вѣроятно, это обстоятельство было причиною, что русскій народъ иноземныхъ купцовъ назвалъ *„гостями"*[8].

Такая особенность въ первоначальныхъ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами была причиною, что наша внѣшняя торговля получила характеръ исключительно *оптоваго торга*, а *„малая торговля, что зовутъ розницею"*, иноземнымъ купцамъ была запрещена[9].

Иноземные товары, пріобрѣтенные оптовою куплею, чрезъ русское купечество проникали на внутренніе рынки Россіи и дѣлались предмѣтами мѣлочного торга.

Новгородцы, начавъ торговлю съ иноземцами, по

необходимости должны были принять ихъ торговый вѣсъ и мѣрила, а такъ какъ первоначальная наша торговля съ иноземцами была исключительно *оптовая,* то новгородцы,—не имѣя надобности въ дробныхъ частяхъ торговаго вѣса и мѣры, приняли отъ иноземцевъ *только высшія единицы торговаго вѣса и мѣры,* напр. *берковецъ* (Berkowez), *пудъ* (Pud), *поставъ*, штука, кусокъ (Stük) и пр.

Но кромѣ названыхъ торговыхъ „вѣса и мѣрилъ", употреблявшихся, повидимому, только въ сношеніяхъ съ иноземцами, въ Россіи были еще и свои народныя *„свѣсы, ставила и мѣрила"*, употреблявшіяся во внутренней торговлѣ, на что указываютъ многіе древніе русскіе памятники[10]. Но для исторіи денежныхъ знаковъ древней Россіи особенный интересъ представляютъ не городскія и торговыя всякія мѣрила, свѣсы и ставила, а *вѣсъ для золота и серебра*, употреблявшійся иноземцами въ первоначальной ихъ торговлѣ съ Русскими.

Изъ исторіи извѣстно, что до крестовыхъ походовъ запад. Европа золотомъ была очень бѣдна. Этотъ историческій фактъ для IX вѣка подтверждается напр. слѣдующими извѣстіями[11]:

„Въ 810 годѣ пришли Норманцы на 200 карабляхъ въ Фрисландію, побили Фризовъ, и взяли съ нихъ 100 фунтовъ *серебра*".

„Въ 845 годѣ выкупился Парижъ 7000 фунтовъ *серебра* отъ нихъ, Норманoвъ, разграбленія".

„Въ 861 годѣ Датчанамъ... Карлъ Лысый платитъ 5000 фунт. *серебра,* что бы они не разоряли его государства. Да за снятіе осады Норманы „также даютъ имъ 6000 фунт. *серебра* и соединяются съ ними".

„Карлъ Лысый заключаетъ въ 866 годѣ миръ

съ Норманцами и платитъ имъ 4000 фунтовъ *серебра по ихъ вѣсу*[12]". (На эту интересную подробность необходимо обратить особое вниманіе. Слова *„по ихъ вѣсу"* указываютъ, что Нормандскій (Варяжскій) фунтъ не былъ французскимъ ливромъ или греческимъ литромъ; кромѣ того, слова *„по ихъ вѣсу"* указываютъ, что новгородская *гривна* (вѣсъ) временъ Ярослава I и ранѣе, была нѣмецкимъ или готландскимъ фунтомъ (маркой вѣсовой) въ 32 лота).

„Норманцы заключаютъ въ 887 годѣ съ Карломъ Толстымъ миръ и получаютъ 2800 фунтовъ золотомъ и *серебромъ*".

„Карломанъ принужденъ въ 884 году платить имъ, Норманамъ, въ дань 12000 фунтовъ чистаго *серебра*" и. т. д.

Въ приведенной выпискѣ вездѣ говорится только о *серебрѣ;* (впрочемъ одинъ разъ упомянуто золото, но безъ точнаго опредѣленія его количества) поэтому, можно думать, что нѣмцы, начиная торговлю съ Новгородцами, золота не имѣли, почему ихъ вѣсовая марка (Mark) въ 32 лота употреблялась только для взвѣшиванія серебра. Эта марка у нѣмцевъ была высшей единицей вѣса для серебра; считая, они говорили, напр., *„1000 марокъ серебра"*, а не 25 пудовъ серебра.

И новгородцы для взвѣшиванія серебра также приняли иноземный вѣсъ, и также только высшую единицу его, т. е. *марку,* причемъ назвали ее *гривной,* это удостовѣряется не только полною тождественностію въ вѣсѣ нѣмецкой марки и русской гривны, и одинаковостью ихъ служебной роли, но и народной памятью; такъ напр. въ „Посольскихъ дѣлахъ Прусскихъ", письменномъ памятникѣ XVI вѣка, сказано: „у Нѣм-

цевъ зоветця марка, а у насъ по Русски гривенка". И современный намъ фунтъ въ 32 лота мы до сихъ поръ называемъ *нѣмецкимъ* фунтомъ.

Что русская гривна (нѣмецкая марка) соотвѣтствовала современному намъ фунту въ 32 лота, на это указываютъ русскія старинныя торговыя книги и рукописныя ариѳметики; въ нихъ показано: „Въ фунтѣ одна большая гривенка, а малыхъ въ фунтѣ двѣ гривенки... Въ пудѣ гривенокъ большихъ 40 фунтовыхъ, а малыхъ гривенокъ въ пудѣ 80"[13]. Въ уставѣ ратныхъ дѣлъ Василія Шуйскаго сказано, что „ядро пищали Василиска вѣсило 70 гривенокъ, и что 240 такихъ ядеръ составляли 168 контаревъ, а въ контарѣ 2 пуда съ половиною". Слѣдовательно, говоритъ Карамзинъ, гривна въ общемъ смыслѣ вѣса означала одинъ фунтъ. Такъ показано въ нашихъ древнихъ рукописныхъ ариѳметикахъ съ прибавленіемъ, что малая гривенка есть полъ фунта".[14]

Съ XI вѣка въ С.-Запад. Европѣ денежный знакъ— марка-серебра (Marka Silber) стала выдѣлываться вѣсомъ не въ 32 лота, какъ было прежде, а только въ 16 лотъ, поэтому Русскіе въ XII вѣкѣ,—вводя у себя новый денежный знакъ гривну-серебра,—стали выдѣлывать ее вѣсомъ въ 16 лотъ или 48 золотниковъ, и сообразно съ этимъ вѣсъ для перевѣшиванія серебра, т. е. гирю, также стали дѣлать въ 16 лотъ или 48 золотниковъ. Эта новая *гривна* (вѣсовая), въ отличіе отъ денежнаго знака, также называвшагося *гривной*, офиціально стала называться *гривной скаловой*, на что указываютъ Торговыя книги, Лѣтописи и другіе письменные памятники; такъ напр. въ торговой книгѣ сказано: „Въ гривенкѣ *малой скаловой* 48 золотниковъ, деньгами вѣситъ три рубля".[15] А въ

лѣтописи подъ 1535 годомъ читаемъ: „Великій князь повелѣ дѣлать деньги серебряныя новыя на свое имя безовсякаго примѣса изъ *гривенки изъ скаловой* триста денегъ... А по указу отца его Великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи изъ *тои же* (скаловой) гривенки дѣлали полъ третья ста денегъ и десять“...[16] и т. д.

Когда же Олегъ перенесъ великокняжескій престолъ изъ Новгорода въ Кіевъ и открылъ торговыя сношенія съ Греками, которые были очень богаты золотомъ, то Русскіе вмѣстѣ съ греческимъ золотомъ приняли и греческій вѣсъ для золота—*литру*, не измѣняя вѣса для серебра, т. е. *гривны*, на что указываетъ правительственный вѣсъ *гривна скаловая*, впослѣдствіи служившая основаніемъ при выдѣлкѣ русской серебряной монеты. Вообще древній русскій вѣсъ *гривна*, подъ названіемъ *фунта*, сохранился до нашихъ дней и служитъ основною единицею для современнаго намъ вѣса (изъ фунтовъ составляютъ пуды и фунтъ дѣлятъ на лоты и золотники). А литра съ подраздѣленіемъ на золотники, по прекращеніи торговли съ греками, по прежнему продолжала служить только для перевѣшиванія золота, напр. „въ цѣвочномъ золотѣ на шелку въ цѣвкѣ 6 *золотниковъ*... А *литру* купятъ цѣвочнаго золота по 4 съ полтиною“... и т. д.

Въ русской торговой книгѣ литра такъ опредѣлена: „Въ литрѣ малыхъ полъ двѣ гривенки (т. е. 1$^1/_2$ гривенки), а золотниковъ въ литрѣ 72 золотника“[17]. Такое опредѣленіе не указываетъ ли, что русскіе въ старину нѣмецкій и греческій вѣсъ согласовали?

Серебро (и золото), было ли оно въ слиткахъ, монетѣ или издѣліяхъ, русскіе покупали и продавали *какъ товаръ вѣсовой*, вслѣдствіе чего эти металлы,

во всѣхъ ихъ видахъ, принимались только *на вѣсъ*, т. е. русскіе въ иноземной монетѣ установленной цѣны не признавали, а въ издѣліяхъ—работу не цѣнили, а признавали только вѣсъ, что удостовѣряетъ Катошихинъ; онъ пишетъ: „русскіе цѣнятъ золотыя и серебряныя издѣлія тою цѣною, что стоитъ вѣсомъ, а дѣло не считаютъ“[18]. Тоже самое подтверждаютъ и торговыя книги, напр. въ одной изъ нихъ говорится: „Надобѣ всяки *ефимки* (талеры) *въ вѣсъ имати*... А будетъ серебро *въ слиткахъ* въ ефимочную чистоту, или въ *сосудахъ*, или въ чемъ нибудь (иномъ), серебро емли пятою долею денежнаго вѣса дешевле“[19] и т. д.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Русскіе отъ торговыхъ сношеній съ Сѣв.-Западной Европой усвоили вѣсъ для серебра марку или *гривну* въ 32 лота, которую въ XII вѣкѣ передѣлали въ 16 лотъ или 48 золотниковъ; а отъ сношеній съ Греками усвоили вѣсъ для золота—*литру* въ 72 золотника. Такъ произошло потому, что Русскіе серебро получали изъ средней Европы, а золото изъ Греціи, что между прочимъ видно и изъ словъ Вел. князя Святослава: „отъ грекъ (получаю) поволокы, *золото*, вино и овощи, а изъ *Чеховъ* и изъ *Угръ серебро* и кони...“[20].

Русскіе, принявъ нѣмецкую марку подъ названіемъ гривны, также стали, какъ и нѣмцы, большія количества серебра считать не пудами, а гривнами, напр. сынъ Варяга Симона, Георгій, далъ въ Печерскую обитель на раку Преподобнаго Ѳеодосія „серебра 500 гривенъ“... и т. д.

Нѣмецкая вѣсовая марка (Marka), названная на Руси гривною, была принята отъ нѣмцевъ также

безъ ея дробныхъ частей, какъ и прочія высшія единицы торговаго вѣса и мѣры, на это указываетъ уставъ Вел. князя Всеволода 1134—1135 года. Этимъ уставомъ въ Новгородѣ и Кіевѣ введена *гривенка рублевая,* т. е. разновѣсъ или наборъ дробныхъ частей гривны (лоты и золотники); необходимый для взвѣшиванія малыхъ количествъ золота и серебра, которыя получались чрезъ *отрубаніе,* почему гривенка и названа—*рублевою*[21]. Существованіе торговли рубленымъ или сѣченымъ золотомъ и серебромъ удостовѣряетъ Стриковскій, авторъ Литовской хроники, онъ пишетъ: „Поляки, Русь, Литва, и Мазуры обыкли бяху купли свои совершати частичками сѣченаго золота и серебра...“[22]. Ясно, что необходимость въ точномъ опредѣленіи вѣса, а слѣдовательно и цѣны, частичекъ рубленнаго золота и серебра заставила Всеволода ввести *гривенку—рублевую,* и тѣмъ облегчить торговлю драгоцѣнными металлами.

Все, что говорилось здѣсь о первоначальной нашей внѣшней торговлѣ и о торговомъ вѣсѣ и мѣрахъ, все это заставляетъ думать, что съ самаго начала возникновенія на Руси внѣшней торговли, торговый вѣсъ и мѣрила и торговыя правила установились не путемъ долгой практики или обычая, а вслѣдствіе договоровъ, сначала устныхъ, а потомъ,—съ появленіемъ письменности,—и письменныхъ; въ этомъ насъ убѣждаютъ встрѣчающіяся въ русскихъ договорахъ выраженія: *„какъ изъ древле бывало“*, *„по давному докончанію“* и т. пд., или ссылки на *„дѣдовъ“*, напр. Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 года начинается такъ: „Се азъ князь Смоленскій Мстиславъ Давыдовичъ докончалъ семь с нѣмцы *по давному докончанію Дѣди наши...*“. Здѣсь ссылка на *„Дѣди“*

не фигуральное выраженіе, а, такъ сказать, юридическая и хронологическая точность, что можно видѣть изъ позднѣйшихъ договоровъ Русскихъ князей, въ которыхъ есть напр. такія выраженія: „...а мыта намъ, князьямъ, держать старыя, пошлыя, которыя были при *моихъ Дѣдахъ, моемъ Дядѣ и при моемъ Отцѣ...*“[23].

Что соглашеніе о торговомъ вѣсѣ и мѣрилахъ и о торговыхъ правилахъ между Варягами—Правителями и иноземными гостями было,—это доказывается дошедшими до насъ договорами и заключающимися въ нихъ постановленіями; напр. „А пудъ дали Нѣмчи..., а подругъ его лежитъ въ нѣмецкой божницѣ...“, или для повѣрки вѣсовъ въ Смоленскѣ „хранится одна капь въ церкви Богородицы, что на горѣ, а другая въ нѣмецкой божницѣ; съ этимъ вѣсомъ и Волочанѣ свѣряютъ пудъ, данный имъ нѣмцами...“[24] и т. д.

Вотъ какъ и при какихъ условіяхъ развилась на Руси внутренняя и внѣшняя торговля. Къ этому не лишнимъ будетъ добавить, что первыя извѣстія о русскомъ купечествѣ относятся ко временамъ Варяжскихъ князей, на что указываютъ наши договоры съ Греками[25].

Но съ торговлей тѣсно связанъ вопросъ о денежныхъ знакахъ. Тамъ, гдѣ есть регламентированная внѣшняя торговля, тамъ обязательно должны быть и денежные знаки. Поэтому Варяги—Правители, вводя въ Новгородѣ торговый вѣсъ и мѣрила, неизбѣжно должны были ввести и денежные знаки.

Такъ въ дѣйствительности и было!

Въ лѣтописи Нестора подъ 882 годомъ читаемъ: „Олегъ дани устави по всей Рустѣй земли, Словѣ-

номъ и Кривичѣмъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, съ Новагорода *300 гривенъ* на лѣто...".

Упоминаемыя здѣсь *гривны* были денежными знаками древней Россіи.

Глава II.

Первые русскіе денежные знаки были —куны. Что такое куны?

Гривны, обращавшіяся въ Новгородѣ во времена Олега и при послѣдующихъ Русскихъ князьяхъ, были денежными знаками древней Россіи, въ этомъ насъ убѣждаетъ лѣтопись Нестора, въ которой подъ 971 годомъ читаемъ: „Святославъ съ дружиною ста зимовать въ Бѣлобережіи и не бѣ у нихъ брашна, и бѣ гладъ великъ, яко по *полугривнѣ* голова коняча...“

Упоминаемая здѣсь *полугривна* несомнѣнно есть *денежный знакъ*, а поэтому и *гривна также есть денежный знакъ.*

Далѣе подъ 980 годомъ читаемъ, что по взятіи Кіева Владиміромъ, пришли къ нему Варяги наемники, и сказали: „се градъ нашъ, мы пріяхомъ, и, да хощемъ имати окупъ на нихъ, Кіевлянахъ, по двѣ *гривны* съ человѣка. И рече имъ Володимеръ: пождите вы, дажь *куны* сберутъ за мѣсяцъ“.

Въ этомъ извѣстіи слово *куны* относится къ *„гривнамъ“*, почему,—если гривны есть денежные знаки,—*то куны будутъ деньги.*

Слѣдовательно Новгородцы, до переселенія Олега въ Кіевъ, уже имѣли деньги, ибо *300 гривенъ*, которыя уплачивали Новгородцы въ 882 году Варягамъ, были *денежными знаками* или *деньгами*, т. е. по тогдашнему—*кунами.*

А что такое Куны?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ спорный и

до крайности запутанный вопросъ, обращусь къ исторіи.

Русскіе, въ описываемый мною періодъ, по роду своихъ занятій имѣли: хлѣбъ, ленъ, пеньку, медъ, воскъ, рыбу и т. пд. предметы сельскаго хозяйства; но живя въ странѣ, изобиловавшей повсемѣстно всякимъ звѣремъ, въ особенности же пушнымъ, они, кромѣ земледѣлія и рыбной ловли, занимались еще охотой и звѣроловствомъ, почему были богаты шкурками пушныхъ звѣрей или мѣхами.

По свидѣтельству иноземцевъ-современниковъ „Главное богатство Русскихъ составляетъ куній мѣхъ..., и единственный промыселъ ихъ,—торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами“[1].

Изъ всѣхъ предметовъ русскаго народнаго богатства шкурки пушныхъ звѣрей въ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами обладали выдающимся преимуществомъ: онѣ представляли собою высокую цѣнность, по вѣсу были легки, а по объему не велики, почему ихъ удобно было перемѣщать даже на очень большія разстоянія, чего нельзя сказать о другихъ предметахъ русскаго народнаго богатства, напр. о хлѣбѣ, воскѣ, льнѣ и т. пд. сырьѣ. Вѣроятно по этимъ причинамъ князья и ихъ намѣстники съ подвластныхъ и побѣждаемыхъ племенъ брали дань преимущественно шкурками пушныхъ звѣрей: *бѣлыми вевѣрицами, бѣлыми вѣкшицами, черными кунами* и просто *кунами*. Напр. подъ 859 годомъ въ лѣтописи читаемъ: „Имаху дань Варязи изъ за морія на Чуди, на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ (на Веси) Кривичѣхъ отъ мужа *по бѣлѣ вѣверицѣ*“.

„А Козаре имаху дань на Полянѣхъ, и на Сѣверянѣхъ, и на Вятичѣхъ по *бѣлѣ векшицѣ* отъ дыма“.

Въ 883 году „иде Олегъ на Древляны и на Сѣверы, и возложи дань на нихъ по *чернѣ кунѣ*“ (въ Супральской лѣт.—„по черной куницѣ“).

Въ 914 году Игорь „и дасть же дань Деревскую Свентелду; имаше же по *чернѣ кунѣ* отъ дыма“ и т. д.

Въ этихъ даняхъ бѣлая вѣверица и бѣлая векшица несомненно есть *горностай,* а черная куница—*соболь,* ибо въ природѣ нѣтъ и не было бѣлыхъ векшъ и черныхъ куницъ. Если же гдѣ упоминается просто куна, то подъ этимъ названіемъ надо видѣть мѣхъ *обыкновенной куницы.*

По поводу приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій Фил. Кругъ замѣчаетъ: „Греки употребляли вмѣсто денегъ шелковыя матеріи, а Русы—кожи животныхъ. Козаре брали дань съ Южныхъ, а Варяги съ Сѣверныхъ Славянъ *горностаями.* Сіе, мнѣ кажется, означаютъ слова: „*по бѣлѣ вѣверицѣ*“, „*по бѣлѣ векшицѣ*“. Ибо вѣверица и векша или вѣкшица были, кажется, общія названія, и, можетъ быть, означали тогда горностая чрезъ прибавленіе „*бѣлая*“. По крайней мѣрѣ, столь рано не нахожу я еще имени горностай...“[2].

А. С. Соловьевъ эти лѣтописныя извѣстія въ своей Исторіи Россіи излагаетъ такъ: „Брали дань Варяги изъ за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мери, Веси, на Кривичахъ, а Козары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали по *горностаю* и *бѣлкѣ* отъ дыма“[3]. Слѣдовательно, подъ бѣлой вѣверицей Соловьевъ признаетъ горностая, а подъ бѣлой векшицей,—векшу или бѣлку; черную же куницу онъ и всѣ другіе изслѣдователи признаютъ за соболя; если же гдѣ упоминается просто *куна* („а за овцу 5 кунъ“), то для каждаго ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о куницѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Русскіе въ старину относительно пушныхъ звѣрей не придерживались нашей точной классификаціи, почему мало-мальски схожихъ звѣрьковъ соединяли въ одну группу, подъ одно общее для нихъ названіе. Это замѣчаніе въ особенности относится къ пушнымъ звѣрькамъ, шкурками которыхъ уплачивались дани; въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства иноземцевъ. Такъ напр. Адамъ Бременскій,—современникъ лѣтописца Нестора,—свидѣтельствуетъ,что Русскіе въ XI вѣкѣ горностая называли *бѣлой куной*, mortures albos[4]. А арабскій писатель X вѣка Ибнъ Гаукаль пишетъ, что изъ Арты отъ русскихъ вывозятъ звѣря, называемаго *черною куницею* или скиѳскимъ *соболемъ*[5]. И дѣйствительно, *черная куна* довольно часто упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ.

Слѣдовательно, такихъ пушныхъ звѣрьковъ, какъ горностай, соболь и обыкновенная куница, русскіе въ IX, X и XI вѣкахъ называли общимъ именемъ *куны;* но,—различая звѣрьковъ этой группы по цвѣту мѣха,—русскіе надѣлили ихъ, кромѣ общаго названія—*куны*, еще и прилагательными именами: такъ горностая, имѣющаго бѣлый мѣхъ, они назвали *бѣлой куной;* соболя, имѣющаго, сравнительно съ куницей, темный мѣхъ, назвали *черной куной,* а обыкновенную куницу (лѣсную и каменую) называли просто *куной.*

Шкурками этихъ звѣрьковъ уплачивались дани.

С. Соловьевъ говоритъ: „Первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ одними черными куницами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ“[6].

Дани указываютъ, что изъ всѣхъ пушныхъ звѣрьковъ, которые водились въ Россіи и мѣхъ которыхъ

имѣлъ значительную цѣну, соболь, горностай и куница были самыми многочисленными и повсемѣстно распространенными звѣрьками, а потому, надо думать, княжеская мѣховая казна должна была преимущественно состоять изъ шкурокъ *кунъ* всякаго наименованія,— бѣлыхъ, черныхъ и т. пд.

Благодаря данямъ и оброкамъ Князья Правители обладали богатѣйшею мѣховою казною и громадными складами всякаго сырья, а Новгордъ, какъ резиденція главнаго правителя, былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ княжескихъ богатствъ.

Эти княжескія богатства, какъ товаръ, предлагались для купли иноземнымъ гостямъ, которыми для Новгородской области были жители балтійскаго побережья: Нѣмцы и Готландцы; впрочемъ, главную торговую силу представляли Нѣмцы, впослѣдствіи— Ганза.

Въ IX вѣкѣ нѣмцы уже имѣли деньги, высшей единицей которыхъ была *„зильберъ-марка“* (Marka Silber), представлявшая собою слитокъ серебра въ формѣ небольшаго, необдѣланнаго брусочка, вѣсомъ въ 32 лота.

Эта зильберъ-марка въ С.-Запад. Европѣ была общепринятымъ денежнымъ знакомъ и для описываемаго времени представляла значительную денежную цѣнность, почему она главнымъ образомъ употреблялась для платежей въ оптовой торговлѣ, а для мелочнаго торга нѣмцы имѣли мелкую серебряную монету— пфенинги; золотой же монеты до крестовыхъ походовъ нѣмцы не имѣли[7], почему они во внѣшней торговлѣ золота не употребляли, и каждую вещь цѣнили по ея отношенію къ серебру.

А Новгородцы,—начиная торговлю съ нѣмцами,—

не имѣли ни денежныхъ знаковъ, ни серебра, и, повидимому, въ серебрѣ надобности не ощущали, ибо въ языческій періодъ мы не видимъ на Руси въ народномъ употребленіи серебра, на это указываетъ лѣтописецъ, разсказывая о простотѣ жизни Вел. князя Святослава и его дружины, и о пирахъ Вел. князя Владиміра, на которыхъ онъ, его дружина и гости ѣли деревянными ложками[8].

Но, присмотрѣвшись къ торговлѣ иноземныхъ гостей, Новгородцы должны были завести у себя денежные знаки и тѣмъ облегчить свои торговыя сношенія, а для этого Новгородцы,—не имѣя ни золота, ни серебра, должны были подыскать такой предметъ, который по своимъ качествамъ походилъ бы на монету и въ торговыхъ сношеніяхъ могъ бы замѣнить собою деньги. Отъ выбраннаго предмета требовалось: что бы онъ былъ многочисленъ, т. е. повсемѣстно былъ въ изобиліи распространенъ; имѣлъ бы высокую рыночную цѣнность,—необходимое условіе при оптовомъ торгѣ; по вѣсу былъ легокъ и по объему не великъ, чрезъ что его, подобно монетѣ, удобно было бы хранить, носить и передавать изъ рукъ въ руки. А главное, что бы выбранный предметъ иноземные купцы охотно принимали вмѣсто денегъ.

Изъ всѣхъ предметовъ русскаго народнаго богатства этимъ условіямъ больше всего удовлетворяли шкурки небольшихъ пушныхъ звѣрьковъ, въ особенности шкурки *куницы, соболя* и *горностая:* онѣ были очень многочисленны и повсемѣстно распространены, на что указываютъ дани; имѣли высокую рыночную цѣну; по объему были не велики, по вѣсу—легки. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, шкурки куницы, соболя и горностая удобно было носить и передавать

изъ рукъ въ руки, причемъ иноземцы эти шкурки принимали охотнѣе всякихъ другихъ русскихъ товаровъ, ибо на мѣха былъ очень большой спросъ заграницу. Такъ, Адамъ Бременскій говоритъ: „мы, иноземцы, ищемъ куньей шубы какъ величайшаго блага...“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „...бобровые и куньи мѣха до безумія нами, иноземцами, уважаемые...“. Тоже самое, сто лѣтъ спустя, говоритъ и Гельмольдъ[9].

Поэтому вполнѣ естественно и правдоподобно, что шкурки соболя, горностая и куницы, какъ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для монеты, по взаимному соглашенію Новгородцевъ съ Нѣмцами, стали исполнять роль денежныхъ знаковъ или монетъ. А такъ какъ эти вновь учрежденные денежные знаки были шкурками черной *куны* (соболя), бѣлой *куны* (горностая) и обыкновенной *куны* (лѣсной и каменой), то общимъ для нихъ названіемъ стало: *куны*, что соотвѣтствовало современному намъ слову *деньги*.

Такъ появились въ Россіи первые денежные знаки или деньги, подъ названіемъ *куны*.

Куны были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, которыя иноземцы принимали какъ деньги, а вывозили къ себѣ за-границу какъ товаръ.

Здѣсь будетъ умѣстно и своевременно привести мнѣнія нашихъ историковъ и изслѣдователей.

О кунахъ Н. Карамзинъ говоритъ: „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей—куницъ и бѣлокъ. Слово *куны* означало *деньги*“[10].

С. Соловьевъ буквально повторяетъ слово-въ-слово сказанное Карамзинымъ[11].

Впрочемъ, дальше Карамзинъ, Соловьевъ и многіе другіе изслѣдователи въ кунахъ уже видятъ кожаные лоскутки: такъ напр. по мнѣнію Карамзина и Соловьева, „скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли, подала мысль замѣнить оныя мордками и другими лоскутками куньими и бѣльими“.

По мнѣнію Заблоцкаго, „встрѣчаемое затрудненіе въ примѣненіи цѣлыхъ мѣховъ къ различнымъ потребностямъ мелочнаго торга заставило обратиться къ мысли рѣзать ихъ въ видѣ раздѣленія на меньшія монетныя цѣнности, на куски, получившіе различныя названія: мордокъ, ногатъ, рѣзаній и пр.“[12].

Професоръ Русской исторіи Никитскій говоритъ: „куны были не денежными знаками, а денежными суррогатами; онѣ не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность“[13].

По мнѣнію Свѣтловскаго 2-го первобытныя деньги были скотъ, но объ этихъ деньгахъ имѣются отрывочныя и очень скудныя свѣдѣнія. „Совершенно иное дѣло деньги—мѣха, о существованіи которыхъ имѣются многочисленныя и разнообразныя данныя. На единицы мѣховыхъ денегъ совершаются рядъ операцій до-монгольской Руси, и различныя мѣховыя цѣнности можно привести въ довольно стройную систему...“, но этому, по мнѣнію Свѣтловскаго, мѣшаетъ существованіе металлическихъ цѣнностей, восприявшихъ по закону переживанія именъ, названія мѣховыхъ денегъ. „Мѣха легче добываемые, дольше сохраняющіе свою цѣнность, какъ предметы неодушевленные, несравненно легче транспортируемые, болѣе многочисленные и разнообразные, имѣю-

[illegible] [13].

[illegible] Кашинскій, Арсеньевъ, проф. Прозоровскій [illegible] металлическ[illegible] Арсеньевъ [illegible] куны [illegible] рамъ, но Прозоровскій опровергаетъ это мнѣніе, на[illegible] [illegible] византійскихъ милліарезій...[13].

Не входя въ разборъ чужихъ мнѣній, я буду продолжать начатое изслѣдованіе и сначала докажу, что денежные знаки *кунъ* были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрковъ, а не вырѣзанными лоскутками и не металлической монетой; за доказательствами обращусь къ древнимъ русскимъ государственнымъ актамъ, лѣтописямъ и къ свидѣтельству иноземцевъ, писавшихъ о Россіи и Русскихъ въ X и XI вѣкахъ.

Въ уставной грамотѣ Святослава, данной Новгородцамъ въ 1137 году, постановлено: „имати Пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и отъ продажи, что входитъ въ князь дворъ всего; а имать Пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ *новыхъ кунъ*...“[12].

Въ договорной грамотѣ Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмцами 1195 года постановлено: „А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ, или Нѣмецкый посолъ Новгородѣ, то за ту голову к̃ гривенъ серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новго-

5

родѣ, то за ту голову і҃ гривенъ серебра. А оже мужа свяжутъ безъ вины, то в҃і *гривенъ* за соромъ *старыхъ кунъ.* Оже ударять мужа оружеемъ, любо коломъ, то ѕ҃ *гривенъ* за рану *старые.* Оже упьхньть, любо мятель роздрьть, то г҃ *гривны старые.* Оже пошибаетъ мужеску жену, любо дчьрь, то князю м҃ *гривенъ ветхыми кунами...*“[17].

Въ судной грамотѣ, данной Двинскимъ жителямъ въ 1397 году, между разными постановленіями есть такое: „...А учинится бой въ пиру (и дравшіеся), вышедъ изъ пиру, возмутъ прощеніе, ино намѣстникомъ дадутъ по *куницѣ шерстью...*“[18] и т. д.

Въ приведенныхъ выпискахъ мы видимъ куны: *новыя, старыя, ветхія* и *шерстью.*

Эти документальныя свидѣтельства указываютъ, что *куны были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ.* Такія шкурки, находясь въ обращеніи какъ деньги, отъ времени подвергались порчѣ, степень которой была различна, почему въ XII вѣкѣ куны на Руси стали подраздѣлять на *новыя, старыя, ветхія,* а позднѣе,—и *шерстью.*

Такія прилагательныя имена, какъ: *новыя, старыя, ветхія* и *шерстью,* приложимы только къ мѣхамъ, а не къ кожаннымъ лоскуткамъ и не къ металлической монетѣ. Въ настоящее время въ нашей денежной системѣ есть кредитные билеты, которые, находясь въ обращеніи, подвергаются порчѣ, почему между ними можно встрѣтить новые, старые и ветхіе билеты, но это различіе въ степени сохранности не измѣняетъ ихъ цѣны, поэтому для кредитныхъ билетовъ такія прилагательныя имена являются совершенно ненужными и они въ дѣйствительности ихъ не имѣютъ.

Слѣдовательно, какъ для современныхъ намъ кредитныхъ билетовъ, такъ и для предполагаемыхъ въ старину на Руси кожаныхъ лоскутковъ,—а для металлической монеты и подавно,—подраздѣленіе на *новые, старые, ветхіе* и *шерстью* есть безсмыслица, не выдерживающая самой снисходительной критики.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подъ кунами: *новыми, старыми* и *ветхими,* которыя упоминаются въ приведенныхъ государственныхъ актахъ XII вѣка, а слѣдовательно и подъ кунами временъ Ярослава I и ранѣе, мы обязательно должны видѣть цѣльныя шкурки пушныхъ звѣрьковъ, а не части ихъ (лоскутки) и не металлическую монету; въ этомъ насъ окончательно убѣждаютъ иноземцы—очевидцы: напр. Омаръ Ибнъ Даста, жившій въ X вѣкѣ, пишетъ: „у Русскихъ чеканной монеты своей нѣтъ, у нихъ звонкую монету замѣняютъ *куньи мѣха*"[19].

А Ахметъ де Ту, писавшій въ 1160 году, говоритъ, что „*бѣличьи или вѣкшины шкурки* (сенджабъ) составляютъ ходячую монету у Русскихъ, не имѣющихъ денегъ (серебра argent) въ собственномъ значеніи. Такія шкурки должны быть съ передними и задними лапками и когтями. Если же чего либо недостаетъ у сихъ шкурокъ, то онѣ считаются ложною монетою. Русскіе внѣ страны своей не могутъ ихъ употреблять за деньги, а вывозятъ за границу только въ видѣ товара"[20],

Оба указанные здѣсь иноземцы удостовѣряютъ, что: 1) у Русскихъ въ X и XI вѣкѣ собственной металлической монеты не имѣлось, и 2) что у нихъ металлическую монету замѣняютъ цѣлыя шкурки куницъ и бѣлокъ.

И такъ, государственные акты и сказанія иноземм-

[illegible]

т. е. къ періоду кунъ) не относятся, почему эти загадочные денежные знаки мною будутъ разобраны только въ 3-ей части моего труда.

Глава III.

Происхожденіе гривны. Перечень названій первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ.

Шкурки соболя, горностая и куницы, не смотря на ихъ изящный видъ и многія другія прекрасныя качества, въ IX вѣкѣ, какъ и теперь, были мало пригодны для нуждъ русскаго народа, который въ своемъ обиходѣ довольствовался овчиной, какъ современный намъ сибирскій инородецъ обходится оленьей шкурой, поэтому, надо думать, Новгородцы, до знакомства съ иноземцами, дорогимъ шкуркамъ пушныхъ звѣрей не придавали особой цѣны[1], чѣмъ иноземцы, какъ мы сейчасъ увидимъ, не приминули воспользоваться.

Князь и иноземные гости, придавъ, по взаимному соглашенію, шкуркамъ куницы, соболя и горностая значеніе денегъ, должны были установить на нихъ курсъ по отношенію къ серебру, или точнѣе, къ зильберъ-маркѣ, ибо при оптовой торговлѣ иноземцы платежи производили зильберъ-марками, но, вслучаѣ надобности, замѣняли ихъ товаромъ. Поэтому вполнѣ правоподобно и даже несомнѣнно, что цѣна мѣхамъ, въ монетномъ смыслѣ, была установлена по взаимному соглашенію между Новгородцами, какъ довѣренными лицами князя, и иноземными гостями. Такое предположеніе я основываю, такъ сказать, на логикѣ событій описываемаго времени и, отчасти, на аналогіи съ принятіемъ отъ иноземцевъ торговаго вѣса и мѣрилъ, а главное,—на происхожденіи слова *„гривна-серебра“*.

Нѣмецкая зильберъ-марка, будучи слиткомъ серебра, имѣла видъ небольшаго брусочка, и на Новгородцевъ не могла произвести, въ торговомъ смыслѣ, выгоднаго впечатлѣнія; надо думать, что нѣмцы это прекрасно сознавали, почему, при переговорахъ о цѣнѣ на куньи шкурки, они зильберъ-марку замѣнили горстью мелкой серебряной монеты, что на ихъ языкѣ значило *грифъ-фонъ-зильберъ* (Griff von Silber), т. е. „въ горсть могущее вмѣститься серебро". По соображенію нѣмцевъ, зильберъ-марка въ такомъ видѣ для глазъ новгородцевъ должна была показаться болѣе цѣнной, а слѣдовательно и болѣе выгодной, почему нѣмцы рѣшили, что за грифъ-фонъ-зильберъ новгородцы должны дать больше куньихъ шкурокъ, чѣмъ за зильберъ-марку, не смотря на ихъ равноцѣнность.

Нѣчто подобное въ Россіи происходитъ даже и въ настоящее время; такъ А. Леманъ, сообщая о кустарномъ производствѣ деревянныхъ ложекъ, передаетъ слѣдующій разсказъ рабочаго: „Я за 1000 ложекъ получаю около 4-хъ рублей", впрочемъ, у насъ еще счетъ на ассигнаціи, (это въ 1902 году), такъ что приходится 14 рубл. 15 коп.".

Какъ такъ на ассигнаціи? удивился я.

„Это наши богатѣи, закупщики, чтобы не такъ замѣтно было..., *на серебро то, видишь, мало приходится, а на ассигнаціи, словно, больше*"[2].

Нужно думать, что расчетъ нѣмцевъ оправдался, ибо ниже мы увидимъ, что нѣмцы свою зильберъ-марку по цѣнѣ приравняли къ 50 куньимъ шкуркамъ! А такъ какъ одна хорошая кунья шкурка по цѣнѣ равняется одному фунту серебра, то выходитъ, что нѣмцы, --судя по современнымъ цѣнамъ,—за свою

зильберъ-марку получали въ 50 разъ больше, чѣмъ она въ дѣйствительности стоила.

Новгородцы, при устанавливанiи цѣнъ на куньи шкурки, во время переговоровъ съ иноземными гостями, постоянно слышали выраженiе *„грифъ-фонъ-зильберъ“*, а не *марка-зильберъ*, почему могли предположить, что у нѣмцевъ высшая денежная единица называется *грифъ-фонъ-зильберъ*, а мы видѣли выше, что новгородцы принимали только высшiя единицы иноземнаго вѣса и мѣры, не измѣняя ихъ названiй. Такъ новгородцы поступили и относительно высшей денежной единицы иноземцевъ, которая, по предположенiю новгородцевъ, называлась *грифъ-фонъ-зильберъ*. Новгородцы приняли ее съ нѣмецкимъ названiемъ, но при этомъ названiе *грифъ-фонъ-зильберъ* передѣлали на свой слухъ и ладъ въ *„грифна серебра“*.

Такое предположенiе я основываю на слѣдующемъ соображенiи: если русское слово *серебро* есть искаженное нѣмецкое слово *зильберъ*, съ чѣмъ всѣ согласны, то слово *грифъ-фонъ* еще больше похоже на слово *грифна*, и которое выговаривалось какъ *гривна*. Тутъ переходъ звука *ф* въ звукъ *в* вполнѣ естественъ, почему ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что русскiе стали говорить *гривна*, а не грифна.

Вообще же возможность передѣлки новгородцами слова *грифъ-фонъ-зильберъ*, по слуху, въ *гривна-серебра* доказывается множествомъ еще менѣе удачныхъ передѣлокъ, напр. слово Dutzend передѣлано въ *„дюжина“*, а названiе рыбы Neunauge (девятиглазая)—въ *минога!* и т. д.

Мысль такъ объяснить происхожденiя слова гривна серебра принадлежитъ любителю отечественной старины Н. Н. Муравьеву, я же только нѣсколько видо-

измѣнилъ и развилъ его мысль. Муравьевъ слово „гривна“ производитъ отъ нѣмецкаго слова Griff, что значитъ *горсть*, и отъ русскаго слова *„на“* (повелительное наклоненіе отъ глагола брать — бери! возьми!). Къ этому онъ добавляетъ: „въ Германіи и нынѣ употребляютъ Griffige Waare, хотя уже въ нѣкоторомъ иномъ смыслѣ. Griff значитъ горсть, въ горсть могущее вмѣститься. Вотъ Griff von Silber, Griff von Pelz Waaren, гривна-серебра, гривна-кунъ“[3].

В. Татищевъ слово *„гривна“* производитъ отъ конской гривы, что видно изъ его выраженія: *„гривна, взятое отъ гривы, значило цѣна лошади“*[4]. Такая цѣна коню показана въ одномъ изъ многихъ списковъ Русской Правды: но подобное производство слова *гривна* нужно признать не состоятельнымъ, потому что въ другомъ спискѣ Русской Правды значится: *„а за вола гривна“*; волъ же гривы не имѣетъ. Или: „аще будетъ княжь конь, то плати зань 3 гривны, а иную по двѣ гривны“. Или: „за жеребецъ (необъѣзжанный) гривна—кунъ“ и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно указываетъ, что *гривна* и *грива* ничего общаго между собою не имѣютъ.

Свѣтловскій въ своей статьѣ относительно происхожденія слова „гривна“ приводитъ слѣдующія мнѣнія:

а) „Согласно даннымъ новѣйшихъ изслѣдованій, уже нѣтъ сомнѣнія, что гривна пришла къ Славянорусcамъ съ Востока и вѣроятнѣе всего изъ Персіи“.

б) „Гривна признается производнымъ съ Норманскаго, а именно отъ слова hring, что по нормански значитъ *кольцо*“.

в) Мрачко-Дроздовскій, Кеппенъ, Куникъ, Рако-

вѣцкій и Казанскій—признаютъ гривну чисто славянскимъ словомъ. Гривна по болѣе старому начертанію *„Гривьня“*, что произносилось, какъ гривена, есть прилагательное женскаго рода въ усѣченной формѣ. Полная форма его *гривенная*. Коренное слово—существительное *грива*, старинное названія *шеи* и *затылка*. Теперь слово грива употребляется только для обозначенія волосъ, ростущихъ на шеѣ лошади, грива и въ словѣ загривокъ, въ вульгарномъ выраженіи для затылка. Тотъ же звукъ слышится и въ двухъ старинныхъ названіяхъ княжескаго конюшаго: *пригривникъ* и *кологривъ*. Такимъ образомъ, согласно этому толкованію, *гривная* значитъ *шейная*[5].

Проф. Эрдманъ слово *„гривна“* производитъ отъ монеты, якобы называвшейся *грифономъ* и существовавшей въ Антверпенѣ въ XVI вѣкѣ. Подобное производство слова гривна также нельзя допустить, потому что слово „гривна“ въ первый разъ упомянуто въ лѣтописи подъ 882 годомъ, когда монеты грифонъ еще не существовало. Впрочемъ въ существованіи такой монеты большинство нумизматовъ сомнѣвается.

Есть еще и другія предположенія о происхожденіи слова гривна, но онѣ уже совсѣмъ безосновательны; напр. Кохъ, корень слова гривна ищетъ въ арабскомъ языкѣ, „на которомъ *Кгеризонъ* (Kherison) значитъ „упадшій съ дерева листъ“[6].

Денежные знаки подъ названіемъ *„гривны“* обращались не только въ Россіи, но и въ Богеміи и въ Польшѣ. Въ Богеміи гривна (grivna) впервые упоминается въ 1037 году, а въ Польшѣ—еще позднѣе, именно въ 1125 году. Это обстоятельство служитъ косвеннымъ доказательствомъ, что слово *гривна* есть

русское слово, русскаго происхожденія, и къ Западнымъ Славянамъ занесено Новгородцами, посѣщавшими островъ Готландъ и другія мѣста балтійскаго побережья, заселенныя въ тѣ времена Славянами. Въ договорѣ XIII вѣка Нѣмцевъ и Готландцевъ съ Новгородцами (такъ назыв. Дрееровскій), писанномъ по латыни, *гривна-кунъ* именуется Marca kunen а *гривна-серебра*—Marca argenti[7]; въ договорѣ же Полоцка съ Ригою, гривна серебра названа Grivna Silber[8].

Дальнѣйшія подробности о гривнѣ будутъ сообщены во II части моего труда, здѣсь же я буду говорить только о гривнѣ-кунъ.

Отъ слова *гривна-серебра* произошли названія: *гривна-кунъ,* просто *гривна* (для обозначенія вѣса), и позже—*гривна-золота;* поэтому слово *„гривна-серебра“* служитъ указаніемъ и доказательствомъ, что денежные знаки въ Россіи были введены въ одно время съ торговымъ вѣсомъ и мѣрилами, ибо нѣмецкая Марка (Marca), т. е. гиря, вѣсъ, употреблявшаяся для взвѣшиванія серебра, также была принята Новгородцами, но не подъ своимъ именемъ—*марка,* а подъ именемъ *гривны:* „у нѣмцевъ зовеца марка, а у насъ, по русски, гривенка“. Мы же знаемъ, что слово *„гривна-серебра“* появилось при установленіи русскихъ денежныхъ знаковъ, т. е. при установленіи денежнаго курса на куньи шкурки, а слѣдовательно въ это же время былъ принятъ и вѣсъ для серебра—*марка,* подъ названіемъ *гривны;* а такъ какъ *марка* была торговымъ вѣсомъ, то, вѣроятно, въ одно время съ нею были приняты и прочіе торговые вѣсы и мѣрила.

Русскіе, не имѣя своего серебра и не нуждаясь

въ немъ, до XIII вѣка не заводили своей серебряной монеты—*слитковъ*. Карамзинъ говоритъ: „Нигдѣ въ Ярославовыхъ законахъ не упоминается о серебрѣ; деньги обыкновенно разумѣются подъ именемъ кунъ[9]. Русскіе, въ случаѣ надобности, пользовались нѣмецкой зильберъ-маркой, называя ее *гривной-серебра*, а при расчетахъ во внѣшней торговлѣ, они, по соглашенію съ иноземными гостями, серебро замѣняли шкурками куницъ, извѣстное число которыхъ, по цѣнѣ равное зильберъ-маркѣ, они называли *гривной-кунъ*, или просто *гривной*".

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что: а) первые денежные знаки, подъ названіемъ *кунъ*, появились въ Новгородѣ въ одно время съ торговымъ вѣсомъ и мѣрилами; и б) это, по всей вѣроятности, случилось при Олегѣ, устроителѣ Русской земли, до переселенія его въ Кіевъ, ибо, по сказанію Нестора, это переселеніе совершилось въ 882 году, и въ этомъ же году „Олегъ... дани устави... съ Новогорода 300 гривенъ на лѣто", изъ чего слѣдуетъ, что денежные знаки на Руси введены въ 882 году, или ранѣе, въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ.

Въ старину русскій народъ о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ узнавалъ чрезъ объявку; для этого князь приказывалъ бирючамъ свое распоряженіе прокликать по торгамъ. Послѣ такой объявки правительственныя распоряженія быстро распространялись, и въ короткое время доходили до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Вѣроятно такимъ же путемъ, въ слѣдъ за открытіемъ торговыхъ сношеній съ иноземцами, шкурки пушныхъ звѣрьковъ повсемѣстно на Руси получили значеніе денежныхъ знаковъ или денегъ. А такъ какъ эти шкурки принадлежали:

черной *кунѣ* (соболь), бѣлой *кунѣ* (горностай) и обыкновенной *кунѣ,* то первые русскіе денежные знаки стали называться *кунами,* и цѣна каждой вещи стала опредѣляться условнымъ числомъ куньихъ шкурокъ.

Это значеніе куньихъ шкурокъ, какъ денегъ, въ скоромъ времени на Руси дѣлается общимъ и обязательнымъ для всѣхъ племенъ отъ Новгорода до Кіева, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ I. часть Русской Правды, въ которой всѣ виды пошлинъ, подъ общими названіями: виры, продажи и уроцы, взимаются только кунами разныхъ наименованій[10]. А такъ какъ законы уголовные и гражданскіе, изложенные въ I части Русской Правды и упоминаемые въ ней денежные знаки, надо думать, существовали на Руси ранѣе Ярослава I, который,— „живяше по строенію дѣдню и отню",—только собралъ ихъ, т. е. законы устные обратилъ въ законы писанные, то поэтому денежные знаки, упоминаемые въ I части Русской Правды, нужно признать древнѣйшими въ Россіи, и установленіе ихъ нужно отнести, какъ я уже раньше замѣтилъ, къ концу IX вѣка, именно къ 882 году, или ранѣе, къ одному изъ годовъ княженія Олега.

Читая I-ую часть Русской Правды, мы находимъ въ ней денежные знаки слѣдующихъ наименованій (въ краткихъ выпискахъ):

„Аже будетъ вира въ Н҃ *гривенъ,* то вирнику Ѕ҃I *гривенъ,* и Т҃ *кунъ* и В҃I *вѣкши"* (по другому списку: В҃I *вѣверицы*).

„А се уроци скоту... То ти уроци смердамъ, оже платятъ князю продажю".

„А. за вола *гривна".*

„За корову М҃ *кунъ"* (по др. списку: 40 *рѣзанъ*).

„За лощину *полгривны*".

„А за порося *ногата*".

„За жеребецъ (необъѣзжанн.) *гривна кунъ.*"

„А отъ свободивше челядинъ Д҃ *кунъ*, а металнику Д҃ *вѣкошъ*" и т. д. и т. д.

И такъ, судя по законамъ Ярослава I, древнѣйшіе русскіе денежные знаки были слѣдующихъ наименованій: *гривна, гривна-кунъ, полугривна, куна, ногата, вѣкша, рѣзанъ* и *вѣверица.*

Другихъ же русскихъ денежныхъ знаковъ во время Ярослава I, и ранѣе, мы не знаемъ![11].

Общимъ названіемъ для всѣхъ, только что поименованныхъ денежныхъ знаковъ, было—*куны*; слово *куны*—означало деньги, съ этимъ всѣ историки и изслѣдователи согласны. Но какія это были деньги, цѣльныя ли шкурки пушныхъ звѣрьковъ, или части ихъ, т. е. кожанные лоскутки, или металлическая монета, объ этомъ наши историки и изслѣдователи въ своихъ мнѣніяхъ сильно расходятся, я же, для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ слѣдующихъ главахъ представлю свое изслѣдованіе.

Глава IV.

Куна, ногата, рѣзанъ,—это куны, а гривна и полугривна,—это гривна-кунъ и полугривна-кунъ. Вѣкша, она же вѣверица. Какихъ звѣрьковъ шкурки назывались кунами?

Слово *куны* есть имя нарицательное, а не множественное число отъ денежнаго знака *куна;* такъ и въ настоящее время слово деньги означаетъ всѣ виды денежныхъ знаковъ, а не множественное число отъ монеты *деньга, денежка.*

Но, не смотря на такое сходство въ смыслѣ между словами: *куны* и *деньги*, между ними есть очень большая разница. Мы подъ словомъ деньги подразумѣваемъ золотую, серебряную, мѣдную монеты и кредитные билеты, а въ старину наши предки подъ словомъ *куны* подразумѣвали *только денежные знаки мѣха*, т. е. только шкурки нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрьковъ, ибо когда, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка и позже, въ Россіи были установлены новые виды денежныхъ знаковъ—серебрянные слитки, то общимъ для нихъ названіемъ стало: „*серебро*“ или „*сребро*“, а позднѣе, когда русскіе завели свою чеканную монету, то ее стали называть *деньгами.* На основаніи этого соображенія, становится необходимымъ доказать, что денежные знаки, обращавшіеся въ Россіи во времена Ярослава I, и ранѣе: гривны, полугривны, гривны-кунъ, ногаты, рѣзаны, куны, вѣкши и вѣверицы были *кунами,* а не серебромъ (слитками) и не чеканной монетой (деньгами).

Начну съ куны.

Что *куна* принадлежала къ тѣмъ денежнымъ знакамъ, которые назывались кунами, это, на основаніи полнаго сходства въ названіяхъ, само собой подразумѣвается, и не требуетъ особыхъ доказательствъ, поэтому я ограничусь однимъ указаніемъ на Русс. Правду; въ ней есть такое постановленіе: „А се поконъ вирный... въ говѣніе (полагается рыбами столько-то), а то *всѣхъ кунъ 15 кунъ* на недѣлю“[1].

Для опредѣленія же, чѣмъ были *ногата* и *рѣзанъ*, я обращусь къ „Расчету“ примѣрнаго дохода отъ двѣнадцати-лѣтняго приплода нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. Этотъ „Расчетъ“ вставленъ въ Русскую Правду, находящуюся при „Софійскомъ временникѣ“ Строева; тамъ, напр. въ статьѣ „О овцахъ“, показано: „овца метана з҃ *ногатъ*, а баранъ по і҃ *рѣзанъ*, а за то за все *кунами* д҃ гривенъ, и є҃ гривенъ, и н҃ гривенъ, и є҃ гривенъ, и м҃ *рѣзанъ*“.

„А на тѣхъ овцахъ и на баранахъ рунъ *кунами:* з҃ гривны, и с҃ гривны, и и҃ гривны, и м҃ *рѣзанъ*, и ѕ҃ *рѣзанъ*, а руно чтено по рѣзанѣ“.

Въ ст. „О свиньяхъ“ показано: „а за вепревъ *кунами* а҃, и д҃, и ѱ҃, и м҃ гривенъ, и г҃ гривенъ, и м҃ *рѣзанъ;* а вепрь метанъ по ѕ҃ *ногатъ*“[2] и т. д. и т. д.

Какъ въ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ, не приведенныхъ здѣсь расчетахъ, денежные знаки: *ногата* и *рѣзанъ* вездѣ называются *кунами*, напр., „овца метана по 6 *ногатъ*... а баранъ по 10 *рѣзанъ*, а то *кунами* столько то *гривенъ* и столько то *рѣзанъ*“.

Слѣдовательно, названія; *ногата, куна* и *рѣзанъ* это собственныя имена различныхъ денежныхъ знаковъ, общимъ же ихъ именемъ было *куны*.

За тѣмъ, въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что окончательный выводъ вездѣ выражается такъ: *„а то кунами столько то гривенъ“*, изъ чего слѣдуетъ, что гривны и полугривны, временъ Ярослава I, и ранѣе, составлялись изъ кунъ, почему подъ простымъ названіемъ „гривна“ и „полугривна“, если они употреблены въ монетномъ смыслѣ, надо видѣть *гривну-кунъ* и *полугривну-кунъ.* Впослѣдствіи, когда въ Россіи появились, какъ деньги, *металлическія гривны,* то наши лѣтописи и государственные акты, говоря о нихъ, всегда выражались вполнѣ опредѣленно, прибавляя къ слову *гривна* пояснительныя слова: *золота* или *серебра,* напр. „Берландикъ вземь у Святослава 200 *гривенъ серебра* и 12 *гривенъ золота*“, или въ торговыхъ договорахъ напр. постановлено брать пеню „ ĩ *гривенъ серебра*“ и т. д.

Поэтому впервые упоминаемыя Несторомъ лѣтописцемъ подъ 882 годомъ *„300 гривенъ“,*—были *гривны-кунъ.*

Относительно этого лѣтописнаго извѣстія Шлецеръ замѣчаетъ: „Отмѣнно невѣроятно, что бы уже въ 885 году (882 г.?) годили въ Новгородѣ серебряныя гривны. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется числительная монета бѣличьими и куньими шкурками“.

А Карамзинъ говоритъ: „именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ“[3].

Относительно *вѣкши* и *вѣверицы* нужно сказать слѣдующее: въ Русской Правдѣ вѣкша и вѣверица упоминаются въ смыслѣ денежныхъ знаковъ, и поставлены рядомъ и слитно съ такими денежными знаками, которые назывались *кунами,* напр.: „А вирнику 6 *гривенъ* и 10 *рѣзанъ* и 12 *вѣкши*“; или: „а отъ свободивше челядинъ 9 *кунъ,* а метальнику 9 *вѣкшъ*„

и т. д. Это даетъ право изслѣдователю сдѣлать заключеніе, что вѣкша и вѣверица были однородными денежными знаками съ ногатой, куной и рѣзаномъ, а, слѣдовательно, вѣкша и вѣверица были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, а ничѣмъ либо инымъ.

Справедливость такого вывода для денежнаго знака вѣкши доказывается его собственнымъ именемъ—*вѣкша,* которое указываетъ на пушнаго звѣрька—*вѣкшу.*

Что же касается вѣверицы, то относительно ее нужно сказать, что имя вѣверица также принадлежало небольшому пушному звѣрьку, на это указываетъ лѣтопись по Ипатскому списку; въ ней подъ 1114 годомъ разсказывается событіе, невѣроятность котораго не имѣетъ значенія, а подробности въ немъ заключающіяся, какъ указатели, заслуживаютъ вниманія, напр. „спаде туча, а въ той тучи спаде *вѣверица млада,* акы топерво рожена“. Въ этомъ извѣстіи выраженіе *„топерво рожена“* можетъ относиться только къ звѣрю, ибо птицы—высиживаютъ, а рыбы—мечутъ; необычайность же обстановки:—*„спаде въ тучи“,* указываетъ на малую величину этого звѣрька. Вообще же, все заставляетъ думать, что вѣкша и вѣверица есть однозначащія имена, на это указываетъ и Русская Правда, по нѣкоторымъ спискамъ которой, вирникъ беретъ „по в҃ *векошъ*“, а по другимъ—по „в҃і *вѣверицы*“. Карамзинъ вѣкшу, вѣверицу, бѣль, бѣлку и бѣлу считаетъ однозначащими именами[4], а Фил. Кругъ замѣчаетъ: „вѣверица и вѣкша, или вѣкшица были, кажется, общія названія“[5]. Поэтому, если денежный знакъ вѣкша былъ цѣльною шкуркою, то и однозначащая съ нимъ вѣверица также должна быть цѣльною шкуркою.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ сдѣлать такой общій выводъ, что во времена Ярослава I, и ранѣе, 1) денежные знаки, носившіе названія: ногата, куна, рѣзанъ, вѣкша, и вѣверица,—были *кунами*, т. е. были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, и 2) денежные знаки, носившіе названія: *гривна* и *полугривна*,—были *гривнами-кунъ* и *полугривнами-кунъ*.

Въ Русской Правдѣ, когда гривна упоминается въ единственномъ числѣ, то она въ большинствѣ случаевъ называется сложнымъ именемъ—„*гривна-кунъ*“, напр.: „за жеребецъ *гривна-кунъ*, или „*гривна-кунъ* сметная отроку“; или: „а за вервь *гривна-кунъ*“ и т. д. А когда о гривнѣ говорится во множественномъ числѣ, то гривны *всегда* называются только простымъ именемъ, безъ прибавленія слова „*кунъ*“, напр.: „за княжь конь 3 *гривны*“, или: „за иного коня двѣ *гривны*“, или: „за обиду 3 *гривны*“ и т. д. Такъ и въ лѣтописи подъ 882 годомъ значится: „отъ Новгорода по 300 *гривенъ* на лѣто“,—безъ прибавленія слова „*кунъ*“.

Такую особенность въ употребленіи слова гривна въ единственномъ и во множественномъ числѣ я не могу объяснить, и считаю эту особенность не существенной.

А слово „*полугривна*“ всегда употреблялось безъ прибавленія пояснительнаго слова „*кунъ*“, напр.: „по *полугривнѣ* голова коняча“, или: „за лонщину *полугривна*“ и т. д. Со словомъ полугривна такъ поступали, вѣроятно, потому, что денежнаго знака—„полумарки или полугривны серебра“ не существовало, а поэтому не было надобности различать полугривны особыми пояснительными прилогательными именами.

Во времена Ярослава I и ранѣе, денежные знаки

на Руси назывались и *кунами* и *скотомъ*, на что указываютъ Русская Правда и лѣтопись. Такъ напр. въ Русс. Правдѣ есть статья подъ заглавіемъ: „А оже кто *скотъ* взыщетъ", а самый текстъ этой статьи изложенъ такъ: „А оже кто взыщетъ, *коунъ* на друзѣ..." Въ этомъ примѣрѣ слова: *скотъ* и *куны* замѣняются одно другимъ, причемъ каждое изъ нихъ означаетъ деньги, изъ чего слѣдуетъ, что въ описываемое время *куны* и *скотъ* были словами однозначащими. С. Соловьевъ говоритъ: „Общимъ названіемъ, соотвѣтствующимъ теперешнему нашему „*деньги*", было—*куны*, которое замѣняло встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе „*скотъ*". А по мнѣнію Карамзина: „Кунами назывались въ старину деньги, а скотницею—казна".

Справедливость всего вышеизложеннаго относительно слова скотъ подтверждается многими указаніями, изъ которыхъ я ограничусь только двумя примѣрами, именно, въ Русс. Правдѣ постановлено: „А оже есть изломилъ копье или щитъ, аще ли начнетъ примѣтати, то *скотомъ* ему заплатите". Или въ лѣтописи подъ 1018 годомъ читаемъ: „Новгородцы для Ярослава начаша *скотъ* сбираша отъ мужа по 4 куны, а отъ старосты по 10 гривенъ, а отъ болярь по 18 (80) гривенъ, приведоша Варяги и вдаша имъ *скотъ*".

Въ приведенныхъ примѣрахъ слово *скотъ* вездѣ несомнѣнно означаетъ деньги. Но въ старину на Руси слово скотъ кромѣ того означало еще *мѣховую казну* (впослѣдствіи:—скора, бѣль, соболиная казна, рухлядь), почему мѣсто, гдѣ хранилась мѣховая казна, называлось—*скотницей*, а завѣдывающій этою казною,—*скотникомъ*. Такъ въ лѣтописи подъ 996 годомъ читаемъ:

„Владимiръ повелѣ всякому нищему и убогому приходите на княжь дворъ и взимати... отъ *скотникъ* кунами“. А въ посланiи Никифора къ Владимiру Мономаху сказано: „но *скотница* твоя по Божей благодати не скудна есть и не истощима“[7] и т. д. По мнѣнiю Болтина, слово *скотъ* происходитъ отъ шведскаго слова Skatt (скотъ), что значитъ деньги, казна, сокровище. На это мнѣнiе Карамзинъ замѣчаетъ: „но когда латинское слово pecunia (деньги, имѣнiе, богатство) происходитъ отъ pecus (скотъ), то и древнее русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такова же происхожденiя? Домашнiй скотъ былъ первымъ богатствомъ людей“[8].

На это можно возразить, что скотъ, т. е. домашнiя животныя играютъ роль денегъ (казны) только у народовъ пастушескихъ, а Русскiе, въ начальномъ перiодѣ своей исторiи, скотоводствомъ не занимались поэтому домашнимъ скотомъ, въ особенности крупнымъ рогатымъ и лошадьми, они были очень бѣдны, что удостовѣряютъ греческiе и арабскiе писатели. Такъ напр. Константинъ пишетъ: „быковъ, лошадей и овецъ (?) совсѣмъ у Русовъ нѣтъ; они начали покупать домашнiй скотъ у Печенѣговъ, и съ тѣхъ поръ зажили получше“. И по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ Даста: у Русскихъ „рабочаго скота мало“[9]. А Вел. князь Святославъ говоритъ своей матери Ольгѣ, что онъ получаетъ „изъ Чеховъ и изъ Угровъ серебро и *кони*. На основанiи всего здѣсь сказаннаго,—и признавая первоначальное цивилизаторское значенiе Варяговъ на Новгородскихъ Славянъ,—приходится отдать предпочтенiе Болтинскому объясненiю слова „*скотъ*“[10].

Поэтому, если *куны* и *скотъ* слова однозначащiя,

а слово *скотъ* означало еще *мѣха, мѣховую казну* (скотница), то этимъ еще лишній разъ доказывается, что денежные знаки—*куны* были *мѣхами,* т. е. были цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ, а не кожанными лоскутками.

Разнообразіе названій, встрѣчаемое у первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ, какъ-то: ногата, рѣзанъ, куна, вѣкша и вѣверица, указываетъ, что во время Ярослава I, и ранѣе, на Руси значеніемъ денегъ пользовались не однѣ, въ точномъ смыслѣ, куньи шкурки, но и шкурки нѣкоторыхъ другихъ пушныхъ звѣрьковъ, такъ напр. денежный знакъ *вѣкша,*—не возбуждая сомнѣнія,—можетъ быть опредѣленъ шкуркою *вѣкши,* какъ *куна*—шкуркою *куницы.* А какимъ звѣрькамъ принадлежали шкурки, носившія названія: *ногата* и *рѣзанъ?* на этотъ вопросъ ни въ отечественныхъ письменныхъ памятникахъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ, нѣтъ прямыхъ указаній, косьвенныхъ же указаній имѣемъ достаточно.

Такъ, 1) зная, что ногата и рѣзанъ назывались *кунами,* мы съ полнымъ правдоподобіемъ можемъ сказать, что ногата и рѣзанъ были шкурками *черной куницы* и *бѣлой куницы,* какъ куна—шкуркою *обыкновенной куницы,* почему эти денежные знаки и получили общее для нихъ названіе—*куны.* А намъ уже извѣстно, что русскіе, въ старину, *соболя* называли черной куной, а *горностая*—бѣлой куной.

Слѣдовательно, денежные знаки *ногата и рѣзанъ были шкурками соболя и горностая.* А чтобы въ этомъ убѣдиться, разсмотримъ шкурки названныхъ звѣрьковъ.

2) Разсматривая шкурки соболя и горностая, мы видимъ, что *только* онѣ, по своимъ качествамъ,

вполнѣ походили на шкурку куницы, почему въ древней Россіи *только* онѣ могли исполнять роль денежныхъ знаковъ, ибо: а) шкурки соболя и горностая, подобно шкуркѣ куницы, имѣли высокую рыночную цѣну, почему годились для производства крупныхъ платежей, неизбѣжныхъ при оптовой торговлѣ; б) по своимъ размѣрамъ шкурки соболя и горностая, какъ и шкурка куницы, были не велики и по вѣсу—легки, почему ихъ, подобно монетѣ, было удобно носить и передавать изъ рукъ въ руки, не портя мѣха, причемъ в) эти шкурки были многочисленны и повсемѣстно распространены, какъ и шкурки куницы, на что указываютъ дани, которыя ими платились, а мѣха другихъ звѣрьковъ имѣли только нѣкоторыя изъ этихъ необходимыхъ качествъ, но не всѣ. Благодаря перечисленнымъ качествамъ, шкурки соболя и горностая, какъ и шкурки куницы, иноземцы принимали охотнѣе всякаго другого товара.

3) Но самымъ сильнымъ косьвеннымъ доказательствомъ, что шкурки соболя и горностая, какъ и шкурка куницы, входили въ русскую древнѣйшую денежную систему, служитъ счетъ *по сороку* или *сорочками* и *полусорочками*, установившійся для нихъ въ оптовой торговлѣ мѣхами. Надо думать, что счетъ *по сороку* и *сорочками* произошелъ слѣдующимъ образомъ: въ XII вѣкѣ, и позже, *гривна-кунъ* и *сорочекъ* означали одинъ и тотъ же денежный знакъ, на это указываетъ Уставная грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года; въ ней постановлено: „емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Доможиричъ *изъ Онѣги...*“. А въ Онѣгѣ эти гривны назывались *сорочками;* для доказательства продолжу

начатую выписку изъ указанной Уставной грамоты Святослава: „... въ Онѣгѣ, на Волдутовѣ погостѣ 2 *сорочка*..., у Чудина *полусорочекъ*..., на Борку *сорочекъ*, въ Отминѣ *сорочекъ*, у Порогопустьцъ *полусорочка*, у Волдита два *сорочка*, на Волоцѣ въ Моши два...“[11]. и т. д. Эти сорочки указываютъ, что позднѣйшая гривна,—о которой рѣчь впереди,—состояла изъ 40 кунъ, почему куна, ногата и рѣзанъ, которые употреблялись на составленіе гривенъ или сорочковъ, считались *сороками* или *по сороку*. А когда въ XIV вѣкѣ въ Московской Руси гривны-кунъ и куны одинцы были замѣнены собственной серебряной монетой, то куны, или мѣха, ихъ составлявшіе, обратились въ товаръ, но по живучести торговыхъ обычаевъ и пріемовъ (гостинные дворы до сихъ поръ существуютъ), эти мѣха продолжали считать *по сороку* или *сороками* и *полусороками*. Герберштейнъ,– жившій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ,—пишетъ: „у Русскихъ для мѣховъ употребляется такой способъ счисленія: *по сороку* и по девяносту; считая, они повторяютъ,—*два сорока, три сорока* и т. д., или два девяносто, три девяносто и т. д.“[12]. (Ниже мы увидимъ, что счетъ по девяносту относился къ вѣкшѣ или бѣлкѣ).

Какіе же мѣха въ XIV вѣкѣ въ Россіи считались *по сороку* или *сороками?*

На этотъ вопросъ даетъ прекрасный отвѣтъ Олеарій, также бывшій въ Россіи въ XVI вѣкѣ. Олеарій пишетъ: „Вел. князь Московскій Федоръ Іоанновичъ въ 1595 году послалъ въ подарокъ Императору Рудольфу II:—1003 *сорока соболей*, 519 *сороковъ куницъ*, да 120 чернобурыхъ лисицъ, 337000 простой лисицы, 3000 бобровъ, да 1000 волчихъ шкуръ и 74 лосины“[13]. Въ этомъ извѣстіи Олеарія не упоминается горностай,

поэтому свидѣтельство иноземца я дополню выпиской изъ Мытной книги: „...Левко Бендимтовичъ, жидъ Пинскій, мѣлъ товаръ... ухторовъ 60, *горностаевъ сороковъ* 7..., а Эсковичъ, жидъ Кобринскій, мѣлъ козлинъ малыхъ 135, *горностаевъ сороковъ три...*“[14]. и т. д.

Слѣдовательно, *сороками* или *по сороку* считались только *соболь, куница* и *горностай*, всѣ же остальные мѣха имѣли обыкновенный штучный счетъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что во времена существованія денежныхъ знаковъ *кунъ, сороками считались* (съ XII вѣка) *ногата, куна* и *рѣзанъ*, а по уничтоженіи кунъ, *сороками или по сороку стали считать шкурки куницы, соболя и горностая.* Тутъ уже самъ собой напрашивается выводъ, что денежные знаки: *куна*—была шкуркой куницы, а *ногата* и *рѣзанъ*—были шкурками соболя и горностая.

Все только что изложенное въ достаточной мѣрѣ объясняетъ разнообразіе названій у первыхъ русскихъ денежныхъ знаковъ, а изслѣдователю даетъ основаніе сказать утвердительно, что шкурки соболя и горностая, какъ и шкурка куницы, входили въ нашу древнѣйшую денежную систему, на что указываетъ сохранившійся за ними счетъ *по сороку* или *сороками* (а для вѣкши по *девяносту* и *тысячами*). Прочіе же мѣха, напр. медвѣдя, волка, разсомахи, рыси, выдры, хорька, бобра, лисицы и др. пушныхъ звѣрей, хотя имѣли цѣну и охотно принимались иноземцами, но въ нашу древнѣйшую денежную систему не входили, и пользовались значеніемъ только товара[15]. Эти мѣха въ торговлѣ имѣли обыкновенный штучный счетъ; одинъ, два, три, и т. д. Такъ случилось, вѣроятно,

потому, что перечисленные сейчасъ мѣха не удовлетворяли всѣмъ условіямъ, необходимымъ для денежнаго знака: они, сравнительно съ кунами, были или малочисленны, или велики, а слѣдовательно и тяжелы, что затрудняло ихъ носку и передачу изъ рукъ въ руки. Ниже мы увидимъ, что въ гривнѣ-кунъ заключалось: —въ старой—до 50 шкурокъ, а въ новой—до 40 шкурокъ кунъ: зная это, станетъ понятнымъ, что такое число, даже бобровыхъ или лисьихъ шкурокъ, должно было представлять не малое затрудненіе, сопряженное съ порчею мѣха при носкѣ, ибо эти шкурки, имѣя длину до 4 футовъ, волочились бы по землѣ, а въ связкѣ представляли бы объемъ, по величинѣ, крайне неудобный для передачи изъ рукъ въ руки.

Слѣдовательно, въ древней Россіи значеніемъ денегъ пользовались не всѣ мѣха, а только шкурки *куницы, соболя, горностая* и *вѣкши*, а всѣ другіе мѣха составляли только *товаръ*, который назывался *скорою* и *бѣлью*, позднѣе—соболиной казной (съ XV в.), рухлядью. Такъ въ Новгородской харатейной лѣтописи подъ 1068 годомъ читаемъ: „Кіевляне дворъ княжь разграбиша, безчисленное множество злата и сребра и *кунами* и *скорою*"; а въ Софійскомъ временникѣ вмѣсто словъ: *и кунами и скорою*", поставлено: „*и кунами и бѣлію*".

Въ этомъ извѣстіи мѣха монетные—*куны* различаются отъ мѣховъ товарныхъ:—*скоры* или *бѣли*.

Въ заключеніе этой главы скажу, что счетъ *по сороку* или *сороками*, примѣнявшійся къ соболю, кунице и горностаю, бывшимъ ногатамъ, кунамъ и рѣзанамъ, служитъ еще однимъ лишнимъ и очень

сильнымъ доказательствомъ, что древнія *куны* были цѣльными шкурками, а не кожанными лоскутками и не металлической монетой.

Глава V.

Куна есть шкурка куницы, ногата—шкурка соболя, а рѣзанъ—шкурка горностая. Вѣкша или вѣверица—шкурка вѣкши.

Установивъ, основываясь на косвенныхъ доказательствахъ, что шкурки соболя и горностая, какъ шкурка куницы, входили въ русскую древнюю денежную систему, остается еще указать: которая изъ этихъ шкурокъ называлась—ногатой и которая—рѣзаномъ.

Для рѣшенія этого вопроса, за неимѣніемъ точныхъ свѣденій, я опять-таки обращусь къ косвеннымъ указаніямъ. Вѣрнѣйшимъ указаніемъ будетъ сравненіе, съ одной стороны, цѣны—соболя и горностая, а съ другой—цѣны ногаты и рѣзана.

Въ современной торговлѣ мѣхъ соболя цѣнится гораздо дороже мѣха горностая; и въ старину мѣхъ соболя считался самымъ цѣннымъ мѣхомъ, на что указываютъ такіе обычаи: на царскихъ свадьбахъ на сидѣнье жениха и невѣсты клали собольи мѣха, молодыхъ опахивали соболями, богоявленскія свѣчи обертывали соболями, царскую одежду подбивали соболями, царямъ въ даръ преподносили соболей, и т. д., а мѣху горностая нигдѣ не дается такого выдающагося значенія. Изъ чего слѣдуетъ, что мѣхъ соболя въ старину цѣнился дороже мѣха горностая, это подтверждаютъ и иноземцы; напр. Марко Пооло, описывая ханскій шатеръ, говоритъ: „внутри отдѣленія шатра обиты горностаями и соболями, драгоцѣн-

нѣйшими изъ всѣхъ мѣховъ.... Татары соболій мѣхъ называютъ царемъ всѣхъ мѣховъ"[1].

Слѣдовательно, въ старину мѣхъ соболя цѣнился дороже мѣха горностая.

А для опредѣленія сравнительной цѣны денежныхъ знаковъ—*ногаты* и *рѣзана*, обратимся къ Русской Правдѣ, приложенной къ Софійскому временнику; тамъ есть нѣсколько вычисленій примѣрной прибыли отъ 12-ти лѣтняго приплода домашнихъ животныхъ; на выдержку возьмемъ слѣдующій примѣръ: „отъ 22 козъ на 12 лѣтъ приплода 90112 козъ; а то кунами 27033 гривны и 30 рѣзанъ; а коза метана по 6 ногатъ"[1].

Въ этомъ примѣрѣ стоимость всего приплода высчитана въ *рѣзанахъ*, а коза оцѣнена *ногатами*, что даетъ возможность ариѳметическимъ способомъ опредѣлить сравнительную цѣну ногаты и рѣзана, для чего этотъ примѣръ выразимъ въ формѣ задачи, предположивъ, что гривна кунъ равна 20 ногатамъ. 90112 козъ×6 ногатъ=540672 ног.: 20=27033 гривны и 12 ногатъ. А составитель расчета этотъ итогъ выразилъ въ рѣзанахъ такъ: 27033 гривны и 30 рѣзанъ.

Изъ сопостановленія этихъ итоговъ получается выводъ, что *12 ногатъ равны 30 рѣзанамъ*. Изъ чего слѣдуетъ, что *ногата была въ $2^1/_2$ раза дороже рѣзана*.

Теперь, послѣ сдѣланнаго сопостановленія соболя и горностая и цѣны ногаты и рѣзана, мы можемъ сказать утвердительно, что *мѣхъ соболя*,—какъ болѣе дорогой,—*будетъ соотвѣтствовать ногатѣ*, а *мѣхъ горностая*,—какъ менѣе дорогой,—*будетъ соотвѣтствовать рѣзану*.

Общій выводъ:

Куна есть шкурка куницы (лѣсной и каменной).

Ногата есть шкурка соболя (черная куна).
Рѣзанъ есть шкурка горностая (бѣлая куна).
А *общее* **для нихъ названіе—*куны*, иногда—*скотъ*.**

Большинство нашихъ изслѣдователей (вѣрнѣе—всѣ) для опредѣленія: что такое ногата? и что такое рѣзанъ? держатся инаго способа. Они,—основываясь на корнѣ словъ,—ногату, производятъ отъ слова *нога*, а рѣзанъ,—отъ глагола *рѣзать*, почему и предполагаютъ подъ названіемъ ногата и рѣзанъ, не цѣльныя шкурки, а части ихъ: такъ ногату считаютъ за *лапку*, а рѣзанъ—*за отрѣзокъ шкурки*, т. е. за кожанный лоскутокъ. Нѣкоторые же изслѣдователи подъ этими названіями видятъ *металлическую монету*, такъ напримѣръ:—

По мнѣнію Болтина: „куна, рѣзанъ, ногата были монеты“[2].

По мнѣнію Карамзина: „въ гривнѣ было 20 ногатъ или 50 рѣзаній... Сими именами обозначались мелкія кожанныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи“[3].

По мнѣнію Заблоцкаго: „Встрѣчаемое затрудненіе въ примѣненіи цѣльныхъ мѣховъ къ различнымъ потребностямъ мелочнаго торга заставило (когда?) обратиться къ мысли рѣзать ихъ, въ видѣ раздѣленія ихъ на меньшія монетныя цѣнности, на куски, получившіе различныя названія: мордокъ, ногатъ, рѣзаній и пр.“[4].

По мнѣнію Коченовскаго: „Весьма вѣроятно предполагать можно, что упоминаемые въ лѣтописяхъ нашихъ напр. бѣльи-лобки и куньи мордки, (а по смыслу статьи—и ногаты и рѣзаны) суть не части сихъ звѣрьковъ вещественныя, какъ многіе сіе утверждаютъ, почитая оныя, яко бы по не имѣнію веще-

ственной или дѣйствительной металлической монеты за настоящіе или поддѣльные лобки и мордки, названія особыхъ и цѣною различныхъ монетъ съ изображеніемъ оныхъ частей, или самыхъ звѣрьковъ". Далѣе Коченовскій говоритъ: „не отрицаю употребленія и кожанныхъ лоскутковъ" (а когда?)[5].

Мальгинъ буквально повторяетъ сказанное Коченовскимъ[6].

По мнѣнію С. Соловьева ногаты были кожанными лоскутками съ серебряными гвоздиками: „такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ"[7].

Фил. Кругъ говоритъ: „мнѣ кажется естественнѣе производить слово *рѣзанъ* отъ глагола рѣзать"[8].

Баронъ де Шодуаръ пишетъ: „Сіе слово (рѣзанъ), кажется производнымъ отъ глагола рѣзать, и потому могло бы объяснить значеніе подъ разными названіями отрѣзковъ кожъ или мѣховъ во время употребленія ихъ вмѣсто денегъ. Рѣзаны часто встрѣчаются въ древнихъ договорахъ и временникахъ. Въ Русской Правдѣ по списку, вошедшему въ Новгородскую лѣтопись, слово рѣзанъ стоитъ тамъ, гдѣ въ другихъ рукописныхъ спискахъ сего закона поставлено слово куна. Изъ сего же можно заключить, что куна значила не только цѣльный мѣхъ, но и отрѣзокъ (купонъ).

А относительно ногаты Шодуаръ высказываетъ такое мнѣніе: „Ногаты первоначально ходили въ сѣверныхъ областяхъ и по берегамъ Балтійскаго моря. Финское слово Ногатъ, Nohat, значитъ звѣриную кожу, мѣхъ, отъ чего, вѣроятно, и *монета ногата* получила свое названіе. Другіе же производятъ оное отъ русскаго слова *„ноги"*, можетъ быть это была кунья шкурка, разрѣзанная на четверо. Князь Щербатовъ думалъ, что ногата произошла отъ слова ногти,

но потомъ передумалъ и искалъ корня сего названія въ словѣ *„ногота“*, доказывая, будто такъ называли какой либо низкошерстный мѣхъ, не дорогой цѣны. Названіе ногаты находится въ Русской Правдѣ, во многихъ лѣтописяхъ Русскихъ и Прусскихъ и договорахъ между Смоленскими князьями и г. Ригою... Успенскій думаетъ, что сія монета была не кожаная но серебряная, и ссылается на одну такую съ надписью *„ногата“*; по свидѣтельству г. Рижскаго (б. Ректора Харьковскаго университета), она величиною меньше полушки, Каченовскій М. Т. упоминаетъ также объ одной, находившейся въ собраніи Г. Руссова, но оба они не описали сихъ двухъ монетъ подробно и не означили вѣса“. Посему, если та монета имѣетъ достовѣрность и основательно разсмотрѣна, то ногата сначала была кожаная, и впослѣдствіи времени сообщила свое названіе серебряной монетѣ“[9].

А изъ резюме, помѣщеннаго въ энциклопедическомъ словарѣ, видно, что Погодинъ, Казанскій, Авенаріусъ, Проф. Прозоровскій и Мрачекъ Дроздовскій считаютъ куны,—значитъ и ногаты и рѣзаны,—металлической монетой[10].

Это всѣ свѣденія, которыя мнѣ извѣстны изъ русской литературы относительно мнѣній о денежныхъ знакахъ: ногатахъ и рѣзанахъ.

Выше приведенныя мнѣнія нашихъ историковъ и изслѣдователей о денежныхъ знакахъ ногатахъ и рѣзанахъ,—не будучи результатомъ изслѣдованія,—являются произвольными и бездоказательными догадками, почему ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано исторически вѣрнымъ.

По произведенному же мною документальному и всѣстороннему изслѣдованію получился выводъ, что

денежные знаки: ногата и рѣзанъ были цѣльными шкурками соболя и горностая, а поэтому названія ихъ должны происходить не отъ словъ: *„нога* и *рѣзать“*, а отъ чего либо другого. Что бы убѣдиться въ этомъ разсмотримъ каждый изъ названныхъ денежныхъ знаковъ въ отдѣльности.

О ногатѣ въ первый разъ упоминается въ Русской Правдѣ Ярослава I, но все заставляетъ думать, что денежный знакъ *ногата* установленъ гораздо раньше, именно въ одно время съ *гривною-кунъ*, на составленіе которой ногата,—какъ куна,—употреблялась. А мы уже знаемъ, что денежный знакъ гривна впервые упомянутъ въ концѣ IX вѣка, именно въ 882 году, когда Олегъ, устанавливая дани, положилъ брать отъ Новгорода „по 300 *гривенъ* на лѣто“.

А въ лѣтописи первое извѣстіе о ногатѣ встрѣчаемъ подъ 1123 годомъ: „на весну ходи Всеволодъ съ Новогородцы на Ѣмь и побѣди я; н лютъ бяше путь, оже купляху по *ногатѣ* хлѣбъ“.

Затѣмъ подъ 1169 годомъ читаемъ: „Въ Новгородѣ, купляху Суздальца по В҃ *ногатѣ*“.

Въ слѣдующемъ, 1170 году, „бысть дороговь въ Новѣгородѣ, купляху кадь ржи по Д҃ гривны, а хлѣбъ по В҃ *ногатѣ*, а медъ по І҃ кунъ пудъ“ и т. д.

Послѣднія извѣстія о ногатахъ восходятъ до XV вѣка, именно въ Псковской лѣтописи подъ 1420 годомъ сообщается, что „на всю Рускую землю бысть гладъ великъ... въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 *ногатъ*, а жито по 50, а овесъ по 30 *ногатъ*“.

Еще упоминается ногата въ Государственныхъ актахъ Смоленскаго княжества, именно: а) въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыд. (Александра) съ Нѣмцами 1229 года—постановлено: „Коупить

Латинескъій гривну золъта, дастъ вѣсити, дати іемоу вѣсцѣ *ногата* Смольнеская"—„Аже Латинскій коупить соуды серебреные, дати іемоу вѣсцю отъ гривны серебра по *ногатѣ* Смольнеской".

б) Въ Уставной грамотѣ Князя Ростислава постановлено: „а се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы. а се отъ Крупля гривна урока, а пять *ногатъ* за лисицу"[11].

Въ этихъ выпискахъ упоминаемыя *„ногата Смольнеская"* и „пять *ногатъ* за лисицу" являются такими подробностями, которыя требуютъ обстоятельнаго объясненія. Это объясненіе мною будетъ дано во 2 части моего труда, при изслѣдованіи причинъ паденія цѣны кунъ и при описаніи мѣръ, которыя принимались Смоленскими князьями къ поднятію курса кунъ.

Въ заключеніе скажу, что ногата упоминается не только въ Русской лѣтописи, но и въ Лифляндской хроникѣ Грубера, въ которой подъ 1209 годомъ сообщается слѣдующее извѣстіе: „Жители Оденъ-пе заплатили Русскимъ 400 славянскихъ марокъ (гривенъ-серебра) *ногатами*: а въ слѣдующемъ году жители Варполя въ Эстоніи заплатили имъ же 700 гривенъ *ногатами*"[12].

А такъ какъ на Финскомъ языкѣ звѣриная шкура называется *нахатъ*—Nahat,—а на эстонскомъ языкѣ и шкура и мѣхъ называются *нахкъ*, -Naehk,—то совокупность извѣстій Лифляндской хроники съ приведенною филологическою справкой, ясно указываетъ, что слово *ногата* есть не русское слово, происходящее отъ *нога*, а финское, и надо думать, что оно перешло къ русскимъ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ намъ мѣхомъ, носившимъ названіе *ногатъ*, отъ покорен-

ныхъ и побеждаемыхъ финскихъ племенъ; а такъ какъ русскіе преимущественно брали дань *„черными кунами“*, т. е. соболями, то подъ *финской ногатой надо видѣть мѣхъ соболя*. Если же къ этому добавимъ, что звѣрекъ, нынѣ называемый нѣмецкимъ именемъ *соболь*, Zobel, такъ сталъ называться въ Россіи только съ XII вѣка, своего же русскаго имени, кромѣ *„черная куна“*, онъ не имѣлъ, то получается основаніе къ предположенію, что Русскіе правители, устанавливая денежные знаки, во избѣжаніе смѣшенія черной *куны* съ бѣлой *куной* и обыкновенной *куной*, соболя назвали *ногатой*, т. е. тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ поступалъ въ княжескую казну въ видѣ дани и оброковъ отъ Финскихъ племенъ.

Относительно денежнаго знака *рѣзанъ* мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о ногатѣ. Первое извѣстіе о рѣзанѣ мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, которая помѣщена въ видѣ сокращеннаго свода при Новгородской харатейной синодальн. лѣтописи; за тѣмъ рѣзанъ еще упоминается въ Русской Правдѣ, находящейся при Софійскомъ временникѣ, но упоминается не въ самомъ текстѣ „Правды“, а въ *„Расчетѣ“* примѣрной прибыли за 12 лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Этотъ расчетъ составленъ позднѣе Русской Правды, именно въ XIII вѣкѣ., и въ Р. Правду вставленъ, какъ бы клиномъ, раздѣляя собою статью „О мѣсячномъ рѣзу“.

Въ лѣтописи рѣзанъ въ первый разъ упоминается въ Новгородской харатейной подъ 1137 годомъ: въ Псковѣ „стоя все лѣто осмьнка великая по 7 *рѣзанъ*“. Но о дѣйствительномъ времени появленія денежнаго знака рѣзанъ нужно сказать тоже самое, что и о нагатѣ, именно: все заставляетъ думать, что рѣзанъ

установленъ въ одно время съ гривною, на составленіе которой рѣзанъ, какъ и ногата, употреблялась. А мы уже знаемъ, что денежный знакъ *гривна* впервые упоминается въ концѣ IX вѣка, именно въ 882 году, когда Олегъ „устави дани... отъ Новгорода по 300 гривенъ на лѣто“.

Рѣзанъ сравнительно съ куной и ногатой упоминается очень рѣдко; послѣднѣе извѣстіе о денежномъ знакѣ подъ именемъ рѣзанъ восходитъ до 1375 года: въ договорѣ между великими князьями Московскимъ и Тверскимъ постановлено: —„хоженаго въ городѣ алтынъ,... а дальній ѣздъ верста по *рѣзани*, а на правду вдвое...“[13].

И въ народной поэзіи ногата и рѣзанъ не забыты; такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: „была бы у насъ Половецкая раба по *ногатѣ*, а рабъ по *рѣзану*“.

Происхожденіе слова рѣзанъ по дошедшимъ до насъ письменнымъ памятникамъ опредѣлить нельзя, но производить это слово отъ глагола *рѣзать* будетъ также справедливо, какъ и производство слова ногата отъ ноги, гривны—отъ гривы. По моему мнѣнію, названіе рѣзанъ происходитъ отъ древне—русскаго слова *„рѣзы“*, что значило прибыль, ростъ, процентъ. Такъ въ Русской Правдѣ въ статьѣ „О рѣзаимствѣ“ постановлено: „аще кто куны дастъ *въ рѣзы* или въ наставы медъ, или жито въ присопъ, то послуси ему ставити, какъ ся съ нимъ будетъ рядилъ, тако же ему имати“.

Смыслъ этой статьи подтверждаетъ, что слово *рѣзы* означало прибыль, ростъ, процентъ, но эта же статья даетъ основаніе производить слово *рѣзанъ* отъ слова *рѣзы*, ибо эта статья указываетъ, что во

времена Ярослава I, и ранѣе, хотя кредитъ въ Россіи существовалъ, но съ формальной стороны онъ былъ обставленъ очень просто: всѣ формальности,—въ видѣ росписокъ, векселей и т. п. юридическихъ актовъ,—замѣнялись *послухами*, т. е. свидѣтелями. Въ слѣдующей статьѣ „О мѣсячномъ рѣзу" процедура отдачи и взысканія долга такъ изложена:

„А мѣсячный рѣзъ оже за мало деней, то имати ему; а заидуть ли куны до того же году, то дадять ему куны въ трети, а мѣсячны рѣзы погренути. *Послуховъ* ли не будеть, а будетъ кунъ 3 гривны, то идти ему по свои куны ротѣ; будетъ ли кунъ болѣе, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси *послуховъ* не ставилъ" (За симъ сейчасъ же слѣдуетъ „Расчетъ" прибылей за 12 лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а потомъ опять слѣдуетъ продолженіе статьи „О мѣсячномъ рѣзу".—Соф. временн.).

„А се уставилъ Великій князь Владимеръ Всеволодичъ Манамахъ, по Святополцѣ созвавъ дружину свою на Берестовомъ... и уставили и до третьяго рѣзу; а еже емлетъ куны въ рѣзы въ треть, аже кто возметъ два рѣзу, то то ему взяти истое, пакы ли возметь третій рѣзъ, то истое ему не взяти".

При существованіи кредита, обставленнаго такими простыми формальностями, при которыхъ все основывалось *на памяти послуховъ*, вполнѣ естественно, что законодатель захотѣлъ крѣпче запечатлѣть *въ памяти послуховъ*, что происходитъ предъ ними: отдача *капитала*, или отдача *процентовъ*? а что бы этого достигнуть, законодатель ввелъ *особенный денежный знакъ*, по цвѣту своему рѣзко отличавшійся отъ прочихъ кунъ. Такимъ денежнымъ знакомъ былъ *ярко-бѣлый мѣхъ горностая*: онъ былъ назначенъ

для уплаты *рѣзовъ*. а поэтому его назвали *рѣзаномъ*. т. е. процентомъ или процентнымъ.

Вѣроятность и справедливость моего предположенія доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ: мы сейчасъ увидимъ. что денежные знаки *рѣзанъ* и *куна были равноцѣнны*. Спрашивается. - какая надобность была вводить два *однородныхъ* и *равноцѣнныхъ* денежныхъ знака? А коль это случилось. то логика заставляетъ одному изъ этихъ денежныхъ знаковъ дать какое либо особое назначеніе. что я и сдѣлалъ. предположивъ, что денежный знакъ—*рѣзанъ* назначался для уплаты *рѣзовъ*. т. е. процентовъ.

Въ ст. „О рѣзѣхъ" постановлено:—„оже кто емлеть по 10-ти кунъ отъ лѣта на гривну. то того не отметати". Эта статья не опровергаетъ мое предположеніе, а на оборотъ.—доказываетъ его справедливость, ибо эта статья указываетъ. что *проценты высчитывались въ кунахъ*. а *уплачивались*.—благодаря равноцѣнности рѣзана и куны.—*рѣзанами*.

Съ развитіемъ внѣшней торговли. а главное—съ распространеніемъ между русскими *письменности*. русскіе. ознакомившись съ вексельной системой Запад. Европы. ввели у себя „*доски*". которыя замѣнили собою *послуховъ*. чрезъ что *рѣзанъ*.—потерявъ свое спеціально назначеніе служить для уплаты процентовъ. —сталъ *только* денежнымъ знакомъ. такимъ же. какъ и куна.

Въ Суздальской Московской Руси. по уничтоженіи *кунъ*. названіе денежнаго знака *рѣзанъ*. по закону переживанія именъ. перешло въ названіе какой-то пошлины. что видно изъ жалованныхъ грамотъ. напр. Можайскаго князя Андрея Дмитріевича Кирилову монастырю (1397—1432 г.): въ ней. между прочимъ, сказано: „... а кого игуменъ посадитъ своихъ

людей на той пустоши, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань ні бѣлка, ні *рѣзанка,* никоторая пошлина...“ Или въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича тому же монастырю (1435—1447 г.) говорится: „... и тѣмъ людемъ не надобѣ моя дань, ни писчая моя бѣлка, ни *рѣзанка,* ни иные никоторые пошлины на 20 лѣтъ...“[14].

Мнѣ не извѣстно, въ чемъ заключалась пошлина *рѣзанка;* вѣроятно съ опредѣленіемъ значенія пошлины рѣзанки будетъ рѣшенъ вопросъ о происхожденіи названія денежнаго знака—*рѣзанъ,* ибо пошлина *рѣзанка*, несомнѣнно, происходитъ отъ *рѣзана.*

Имена *соболь* и *горностай* въ лѣтописи впервые упоминаются въ XII вѣкѣ, именно подъ 1159 годомъ читаемъ: „Да Ростиславъ Святославу *собольми* и *горностаями* и черными кунами и песцы и бѣлыми волки и рыбьими зубами“.

Нѣкоторые готовы допустить, что названіе горностай произошло отъ словъ: *горы* и *стая*, т. е. что звѣрекъ, живущій въ горахъ стаями, сталъ называться горностаемъ[15]; но извѣстно, что горностай въ горахъ стаями не водится, да и въ Россіи на востокъ, до Уральскаго хребта, никакихъ горъ нѣтъ; поэтому происхожденіе слова горностай надо искать не въ горахъ, а у иноземцевъ, съ которыми русскіе вели торговлю мѣхами. Фил. Кругъ говоритъ: въ запад. Европѣ „горностай получилъ названіе *гермелина*, Hermelina, отъ Арменіи, жители которой вели имъ знатный торгъ, и которая писателями тогдашняго времени называлась Herminia“.

Въ Академическомъ словарѣ русскаго языка (изд. 1892 г.) слово горностай производится отъ hormo, древняго верхненѣмецкаго названія горностая, и

tagel (сокращенное tal), нижненѣмецкаго названія хвостъ. Но кто и когда горностаю придѣлалъ хвостъ? т. е. кто соединилъ верхненѣмецкое слово *гормо* съ нижненѣмецкимъ словомъ *таль?* чрезъ что получилось сложное слово *гормоталь*, которое русскіе на свой слухъ передѣлали въ *горностай*, объ этомъ академ. словарь умалчиваетъ.

Есть нѣкоторыя основанія искать происхожденіе слова горностай въ Персидскомъ или Арабскомъ языкахъ, ибо азіатскій востокъ не ограничивался одною покупкою у русскихъ мѣховъ, но и каждой вещи чужой страны дѣлалъ описанія, давалъ названія и т. д.

Глава VI.

Княжеская мѣховая казна, сортировка и оцѣнка мѣховъ. Фабрикація кунъ одинцовъ и гривенъ-кунъ. Числительный составъ гривенъ-кунъ и сравнительная цѣна кунъ-одинцовъ.

Въ старину главное богатство Русскихъ-князей заключалось въ мѣховой казнѣ, которая въ одно и тоже время составляла и личную собственность князя и государственную казну. Право дѣлать и выпускать въ обращеніе денежные знаки принадлежало князьямъ. Это право составляло главную доходную статью въ княжескомъ бюджетѣ, ибо фабрикація мѣховыхъ денежныхъ знаковъ, въ сущности была таже торговля мѣхами, главная выгода которой заключалась въ массовомъ сбытѣ товара почти по принудительной цѣнѣ. Такъ Катошихинъ пишетъ: „иноземные купцы привозятъ персидскіе и греческіе товары золотыя и серебреныя издѣлія и ювелирныя; эти товары царю подносятъ они въ дарѣхъ, и послѣ того тѣ товары цѣнятъ торговые люди, иноземцы, и мастеры по тамошней турецкой оцѣнкѣ; а вмѣсто того даетца имъ собольми и рухлядью. И такихъ товаровъ на всякій годъ поступаетъ множество, потому что бояромъ и иныхъ чиновъ людемъ купити окромѣ царя никому не вольно; *а въ царскую казну приходятъ они якобы даромъ*“[1].

Куна, ногата, рѣзанъ и векша, какъ денежные

знаки, обращались *отдѣльными шкурками* (одинцы) и *связками*—гривны и полугривны.

Во времена Ярослава I и ранѣе, всѣ денежные знаки: *одинцы* и *связки*, фабриковались на княжескомъ дворѣ изъ княжеской мѣховой казны. Поэтому въ старину князья-правители относительно прихода, сортировки, оцѣнки и расхода мѣховой казны имѣли большую заботливость. Для этихъ дѣлъ къ княжеской мѣховой казнѣ приставлялись особыя довѣренныя лица: отъ иноземнаго купечества—ихъ головы, а отъ русскихъ—цѣловальники и сторожи, которые тоже выбирались изъ торговаго сословія. Эти довѣренныя лица подъ клятвою обѣщались, при роздачѣ мѣховъ въ жалованье и при выпускѣ ихъ въ торговлю и въ денежное обращеніе, дѣлать оцѣнку мѣхамъ по совѣсти, соображаясь съ торговой цѣной.

Такіе порядки у княжеской мѣховой казны я предположилъ, основываясь на аналогіи съ порядками болѣе поздняго времени, которые Катошихинъ такъ описываетъ: „А у той соболиной и всякой мягкой казны для оцѣнки и пріему и раздачи бываютъ погодно голова—гость, а съ нимъ товарищи цѣловальники и сторожи, торговые, выборные люди погодно; и выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братія—гости и торговые люди за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ тоѣ царскіе казны не красть, и соболей своихъ худыхъ и иныя мягкія рухляди въ казну не приносить и не обмѣнивать..., а велѣно имъ цѣну ставить всякимъ звѣрямъ по прямой московской цѣнѣ, дешевле торговаго малымъ чѣмъ, какъ про царя, такъ и въ роздачу и на продажу ...озь...“[2].

Довѣренныя лица у княжеской мѣховой казны,—прежде чѣмъ приступить къ фабрикаціи денежныхъ знаковъ,—сначала сортировали мѣха на три сорта: на *добрые, средніе* и *плохіе.* По окончаніи сортировки, мѣхамъ дѣлалась оцѣнка, затѣмъ для составленія связокъ отъ каждаго сорта брали нужное число шкурокъ, клеймили ихъ, и нанизывали головками на ремешокъ, получались связки. Въ каждой такой связкѣ полагалось не болѣе 20—25 шкурокъ (это гривны и полугривны).

Для денежныхъ знаковъ одинцовъ: кунъ, ногатъ и рѣзанъ, отобранныя шкурки также клеймились; но изъ какого сорта эти шкурки выбирались? неизвѣстно.

И эти порядки я предположилъ на основаніи позднѣйшихъ правительственныхъ распоряженій. Такъ въ „Наказѣ“ Даурскому воеводѣ сказано: „... когда соболиная рухлядь въ сборѣ будетъ, то воеводѣ ту всякую рухлядь велѣти разбирати торговымъ и промышленнымъ людемъ: *лутчей* звѣрь къ лутчему, а *среднiй* къ среднему, а *худой* къ худому; а разобравъ, велѣти цѣнить торговымъ же и промышленнымъ людемъ тамошнею сибирскою прямою цѣною..., и запечатавъ тое рухлядь государевою печатью, велѣти писати той рухляди цѣновыя росписи...“[3].

При составленіи гривенъ-кунъ требовалось, чтобы въ связку набрать опредѣленное число однородныхъ шкурокъ, но разныхъ сортовъ, которыя бы въ общей сложности по цѣнѣ равнялись нѣмецкой зильберъ-маркѣ или русской гривнѣ серебра. Такимъ подборомъ достигалось то, что всѣ гривны-кунъ и по числу шкурокъ и по цѣнѣ были равны другъ другу, причемъ въ *оборотъ пускались всѣ три сорта* изъ находившихся въ княжеской казнѣ мѣховъ[4].

Что связки составлялись изъ шкурокъ разныхъ сортовъ, на это указываетъ Уставная грамота таможенникомъ 1586 года; въ ней сказано: „а съ 40 соболей *добраго, средняго* и съ *плохаго* по алтыну, а съ 40 куницъ, само собой тѣхъ же сортовъ, по 2 деньги“[5]. Лучшее же описаніе составу связокъ даетъ Герберштейнъ; къ сожалѣнію онъ описываетъ не „*сорочки*“, а „*десятки*“, установленные,—какъ мы увидимъ ниже,—для бѣлки или векши. По свидѣтельству Герберштейна, въ Россіи „бѣличьи шкурки продаются связками по десяти штукъ вмѣстѣ; въ каждой связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ называются *личными*, Litzschna; три нѣсколько похужѣ—*красны*, Crasna; четыре—*покрасна*, Pocrasna; а послѣдняя называется *малоишна*, Maloischna, хуже всѣхъ...“[6].

Надо думать, что десятая шкурка—*хуже всѣхъ*, служила для прочихъ какъ бы оберткой, оберегая ихъ отъ порчи, и поэтому она въ счетъ не шла, на что указываетъ установившійся для бѣлки или векши счетъ „*по-девяносту*“. Поэтому, свидѣтельство Герберштейна подтверждаетъ, что: а) мѣха продавались связками, и б) а связки составлялись нарочно изъ шкурокъ трехъ сортовъ по особымъ правиламъ.

Пользоваться аналогіей съ болѣе позднимъ временемъ, какъ доказательствомъ, или какъ указаніемъ, для изслѣдователя не только позволительно, но даже обязательно, такъ какъ за скудостію письменныхъ памятниковъ, это единственный способъ къ разрѣшенію многихъ загадокъ древней Россіи, и такія доказательства всегда будутъ носить характеръ исторической правды, ибо Русскіе позднѣйшаго времени, любя старину, старались жить по старинѣ и дѣлать такъ, какъ дѣлывали дѣды и прадѣды.

Поддѣлка денежныхъ знаковъ кунъ,—были ли онѣ одинцами или въ связкахъ,—предупреждалась тѣмъ, что куны представлялись цѣльными шкурками пушныхъ звѣрьковъ. По свидѣтельству арабскаго писателя XI вѣка, Ахмета де Ту, эти „шкурки съ передними и задними лапками и когтями. Если же чего либо у сихъ шкурокъ не достаетъ. то онѣ считаются ложною монетой“[7]. А подмѣнъ находившихся въ обращеніи хорошихъ денежныхъ шкурокъ на худыя, не денежныя, предупреждался наложеніемъ на денежныя шкурки правительственнаго клейма, на что есть косвенное указаніе въ Наказѣ Даурскому воеводѣ: „... а ту соболиную рухлядь..., *запечатавъ государевою печатью,* велѣти писати той рухляди цѣновыя росписи“[8].

Гривенъ-кунъ до насъ не дошло, а также и описанія, какъ онѣ составлялись, т. е. изъ какихъ шкурокъ и по какимъ правиламъ, но все заставляетъ думать, что гривны составлялись изъ ногатъ, кунъ и рѣзанъ, и состояли изъ двухъ полугривенъ, на это указываетъ счетъ на полугривны и полусорочки, напр. въ лѣтописи подъ 971 годомъ есть извѣстіе, что у Святослава съ дружиною въ Бѣлобережіи „не бѣ брашна; и бѣ гладъ великъ, яко по *полугривнѣ* голова коняча“, или въ Русской Правдѣ въ ст. „О татьбѣ“ положено „за лонщину *полугривна*“. А въ Уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава положено брать: „... у Чудина *полусорочька...*, у Помѣ полсорочька...“ и т. д.

А счета на *четверти* гривны и *меньшія доли* во времена Ярослава I, и ранѣе, мы нигдѣ не встрѣчаемъ.

Гривна или гривна-кунъ первоначально по цѣнѣ

равнялась нѣмецкой зильберъ-маркѣ или гривнѣ серебра.

Карамзинъ говоритъ: „Именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра“[9]. Поэтому гривна-кунъ, во времена Ярослава I и ранѣе, представляла собою значительную цѣнность, что вполнѣ естественно, такъ какъ гривна кунъ составлялась изъ очень цѣнныхъ мѣховъ: соболя, куницы и горнастая. Эти мѣха, хотя имѣли общее для нихъ названіе *куны*, но по цѣнѣ они между собою различались. Такъ мы видѣли, что ногата была въ $2^{1}/_{2}$ раза дороже рѣзана, поэтому гривна кунъ, составленная изъ болѣе дорогихъ мѣховъ, напр., изъ ногатъ (соболей), должна была заключать меньшее число шкурокъ, чѣмъ гривна, составленная изъ менѣе дорогихъ мѣховъ, напр. изъ рѣзанъ (горностаевъ).

Такъ въ дѣйствительности и было.

Но сколько въ гривнѣ заключалось ногатъ, рѣзанъ, и кунъ? объ этомъ русскіе историки и изслѣдователи судятъ очень различно, поэтому я сначала представлю собственное изслѣдованіе о числительномъ составѣ нашихъ древнѣйшихъ гривенъ-кунъ.

Судя по I части Русской Правды во времена Ярослава I и ранѣе, въ единной и нераздѣльной Россіи существовалъ только одинъ видъ гривны-кунъ, числительный составъ которой указанъ въ самой Русс. Правдѣ, именно въ ст. „О татьбѣ“, „Уроци скоту“. Въ этой статьѣ помѣщена слѣдующая разцѣнка домашнимъ животнымъ:

За княжь конь 3 гривны.

За иного коня 2 гривны.

За кобылу 60 кунъ.

За вола гривна.

За корову 40 кунъ.

За третьякъ 30 кунъ.

За лонщину полугривна[10].

Если разсмотримъ внимательно эту расцѣнку, то увидимъ: а) правильную систему постепеннаго перехода цѣнъ отъ самой дорогой къ менѣе дорогой, потомъ еще къ менѣе дорогой, и т. д., причемъ б) волъ, оцѣненный въ одну гривну, поставленъ ниже кобылы, оцѣненной въ 60 кунъ, и выше коровы, оцѣненной въ 40 кунъ, изъ чего слѣдуетъ, что въ гривнѣ (цѣна вола) было меньше 60 кунъ и больше 40 кунъ, т. е. *въ гривнѣ заключалось 50 кунъ*. Далѣе в) третьякъ оцѣненъ въ 30 кунъ, а лонщина, поставленная сейчасъ же за третьякомъ, оцѣнена въ полугривну. Слѣдовательно, въ полугривнѣ было меньше 30 кунъ и больше 20, т. е. *въ полугривнѣ было 25 кунъ*, а меньше, напр. 20 кунъ, въ полугривнѣ быть не могло, на это указываетъ въ приведенной разцѣнкѣ *гривна*, поставленная выше 40 кунъ, почему половина гривны должна быть больше 20 кунъ.

Слѣдовательно, гривна состояла изъ 50 кунъ, а полугривна—изъ 25 кунъ.

А такъ какъ на составленіе гривенъ употреблялись не только куны, но и ногаты и рѣзаны, то необходимо еще опредѣлить: сколько въ гривнѣ заключалось ногатъ и сколько—рѣзанъ?

Для такого опредѣленія вышеприведенная „Разцѣнка скоту“ не годится, поэтому я снова обращусь къ „Разсчету“ прибыли отъ домашнихъ животныхъ, и для примѣра возьму на выдержку уже извѣстный намъ расчетъ „О казахъ“.

„Отъ 22 козъ на 12 лѣтъ получится приплода

90112 козъ, а то кунами 27033 гривны и 30 рѣзанъ. А коза метана по 6 ногатъ".

Въ этомъ расчетѣ приплодъ высчитанъ въ *рѣзанахъ*, коза оцѣнена *ногатами*, что даетъ возможность ариѳметическимъ путемъ опредѣлить, сколько въ гривнѣ содержалось ногатъ и рѣзанъ: для этого приведенный расчетъ выразимъ въ формѣ простой задачи, принявъ на вѣру, что гривна равна 20 ногатамъ и помня, что коза метана по 6 ногатъ;

получится слѣдующая формула:

90112 × 6 ногатъ = 540672 ног. : 20 = 27033 гривны и 12 ногатъ.

А у составителя расчета итогъ выраженъ такъ: 27033 гривны и 30 рѣзанъ.

Сопоставивъ оба итога, мы увидимъ, что въ нихъ число гривенъ одинаковое, а поэтому и 12 ногатъ будутъ равны 30 рѣзанамъ, изъ чего слѣдуетъ, что:

1 гривна равна 20 ногатамъ, или 50 рѣзанамъ.

1 ногата равна $2^1/_2$ рѣзанамъ.

Этимъ же расчетомъ для своихъ выводовъ руководствовались Бекетовъ и Карамзинъ, и, само собой, оба они пришли къ одному и тому же заключенію.

Въ опредѣленіи сколько въ гривнѣ было кунъ получился выводъ, что 1 гривна равна 50 кунамъ. Такой же выводъ получился и для рѣзанъ, т. е. что 1 гривна равна 50 рѣзанамъ, изъ чего слѣдуетъ, что

1 куна равна 1 рѣзану.

Справедливость такого вывода для кунъ и рѣзанъ подтверждается Новгородской харатейной лѣтописью, въ которой помѣщенъ сокращенный списокъ Русской Правды: въ этомъ спискѣ, во многихъ мѣстахъ, вмѣсто

кунъ поставлены *рѣзаны*. напр. стоимость кобылы обозначена вмѣсто 61 кунъ—въ 60 рѣзанъ: стоимость коровы вмѣсто 40 кунъ обозначена въ 40 рѣзанъ. и т. д.. на основаніи чего Бекетовъ сдѣлалъ выводъ. что куна равна рѣзану[11].

Изъ всего вышеизложеннаго получается такой общій выводъ:

1 гривна равнялась 20 ногатамъ. или 50 кунамъ. или 50 рѣзанамъ.

1 ногата равнялась 2 1/2 кунамъ или рѣзанамъ.

1 куна равнялась 1 рѣзану.

Къ точно такому выводу пришелъ и Бекетовъ.

А по мнѣнію Болтина:

1 гривна равна 20 кунамъ или 80 ногатамъ или 640 рѣзанамъ.

1 куна равна 4 ногатамъ или 32 рѣзанамъ.

1 ногата 8 рѣзанамъ.

„Татищевъ думаетъ. что въ гривнѣ содержалось 20 кунъ, ногатъ 120, рѣзанъ 60"[12].

Выводы Болтина и Татищева ни на какомъ изслѣдованіи не основаны, почему они должны считаться простою догадкою.

А по мнѣнію Карамзина:

Гривна равнялась 25 кунамъ. или 50 рѣзанамъ или 20 ногатамъ. слѣдовательно. онъ признаетъ куну не равной рѣзану. а вдвое дороже его.

Что гривна равнялась 25 кунамъ Карамзинъ доказываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: въ „Вопросахъ Кирика" положено на гривну служить 5 панихидъ, а на 6 кунъ—одну панихиду. Поэтому расчету въ гривнѣ должно заключаться 30 кунъ". Но Карамзинъ съ этимъ не согласенъ на томъ основаніи, что „если бы въ гривнѣ было 30 кунъ. но не упо-

треблялось бы въ нащихъ лѣтописяхъ и Русской Правдѣ выраженія—*60 кунъ*, а говорилось бы *2 гривны*". Далѣе онъ замѣчаетъ: „если допустить, что въ упомянутомъ расчетѣ для большаго числа панихидъ сдѣлана уступка, т. е. что вмѣсто 6 кунъ, за панихиду платили только 5, то по такому расчету гривна будетъ заключать въ себѣ 25 кунъ. Въ Русской Правдѣ сказано, что зачинщикъ ссоры платитъ 3 гривны за пролитіе крови битаго, а если не будетъ знаковъ отъ битья, то платитъ только 60 кунъ. Поэтому, если въ гривнѣ 30 кунъ то слѣдовало бы сказать: платитъ 2 гривны. Изъ этого выходитъ, что въ гривнѣ заключалось кунъ меньше 30 и больше 20, т. е. 25 или около этого"[13].

Это разсужденіе Карамзина опровергается тою же Русскою Правдою, ибо въ ст. „О татьбѣ" есть такое положеніе: „Аже крадутъ гумно, или жито въ ямѣ, то колко будетъ ихъ крало, то всѣмъ платить по 3 гривны и 30 кунъ". Слѣдовательно, если гривна равна 30 кунамъ, то законодатель сказалъ бы просто: „платить 4 гривны", а если въ гривнѣ 25 кунъ, то сказалъ бы: „платить 4 гривны и 5 кунъ".

Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ: „Судя по цѣнѣ вещей, видимъ, что гривна содержала въ себѣ около 20 кунъ, но не 20, а, безъ сомнѣнія, 25, ибо ни въ лѣтописяхъ, ни въ Правдѣ не находимъ сего числа (25) въ показаніи, ни 50, ни 75 кунъ"[14].

Послѣднее разсужденіе кажется должно бы было натолкнуть Карамзина на мысль, что, если въ показаніи относительно кунъ (и рѣзанъ) нѣтъ числа 50 и 25, то это потому, что вмѣсто числа 50 писалось *гривна*, а вмѣсто числа 25, писалось *полугривна*. Вѣроятность этого замѣчанія доказывается вышеприве-

денной „Разцѣнкой скота“, взятой изъ Русской Правды. Въ этой „Разцѣнкѣ“ показано:

За княжь конь 3 гривны.

За инаго коня 2 гривны.

За кобылу 60 кунъ.

За вола гривна (т. е. 50 кунъ).

За корову 40 кунъ.

За третьяка 30 кунъ.

За лонщину полугривна (т. е. 25 кунъ).

Эта выписка сама за себя говоритъ и ясно указываетъ, почему въ показаніяхъ нѣтъ чиселъ 50 и 25. Если же нигдѣ не встрѣчаемъ въ показаніи для кунъ и рѣзанъ цифры 75, то это потому, что нигдѣ не встрѣчается предмета, который былъ бы оцѣненъ *въ полторы гривны*. Впрочемъ, если бы такой предметъ нашелся, то по системѣ счисленія того времени, это было бы выражено такъ: *„полъ двѣ гривны“*, а не цифрой 75, напр. въ „литрѣ малыхъ *полъ двѣ гривенки“*, т. е. $1^1/_2$ гривенки.

Ко всему этому остается еще добавить, что гривна-кунъ состояла изъ двухъ полугривенъ, Бекетовская гривна (она же и моя),—будетъ ли она состоять изъ ногатъ, или рѣзанъ, или кунъ,—даетъ полугривны, т. е. дѣлится на два безъ остатка, а Карамзиновская гривна въ 25 кунъ на равныя половины не дѣлится, почему не даетъ *полугривенъ*.

Это замѣчаніе окончательно опровергаетъ мнѣніе Карамзина и твердо устанавливаетъ мнѣніе, что во времена Ярослава I, и ранѣе, гривна кунъ состояла изъ 20 ногатъ, или 50 кунъ, или 50 рѣзанъ.

Но въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка въ Россіи числительный составъ старой, Ярославской, гривны-кунъ былъ измѣненъ: гривна-кунъ мѣстами

стала называться *сорочкомъ*, что указываетъ, что такая гривна состояла уже изъ 40 кунъ; къ этому же времени относится извѣстіе о *„Волжской гривнѣ“*, *Смоленскихъ кунахъ, кунахъ новыхъ, старыхъ, ветхихъ* и о *новой гривнѣ*, все это указываетъ, что однообразіе въ составѣ гривенъ-кунъ было нарушено. Вотъ, вѣроятно, къ одной изъ такихъ новыхъ гривенъ-кунъ изслѣдованія и выводы Карамзина будутъ приложимы, ибо онѣ, главнымъ образомъ, основаны на „Вопросахъ Кирика“, письменномъ памятникѣ XIII вѣка.

Эти новыя, разныхъ наименованій, *гривны* и *куны*, а также причины, вызвавшія ихъ появленіе, мною будутъ разсмотрѣны во II части моего труда, теперь же, въ заключеніе сей главы, повторю, что во времена Ярослава I, и ранѣе, шкурки куницы, соболя и горностая изображали собою деньги, причемъ каждая изъ этихъ шкурокъ имѣла свое особое названіе: шкурка куницы называлась *куной*, шкурка соболя—*ногатой*, а шкурка горностая—*рѣзаномъ*, общимъ же для всѣхъ ихъ названіемъ было—*куны*, поэтому гривны, составленныя изъ *ногатъ* или *рѣзанъ*, назывались не гривна-ногатъ и не гривна-рѣзанъ, а *гривной-кунъ*, или просто *гривной*.

Глава VII.

Что такое векша или вѣверица? Сравнительная цѣна векши. Щляги.

Кромѣ гривенъ-кунъ,—представлявшихъ собою высшую денежную единицу,—и кунъ одинцовъ, служившихъ денежными знаками меньшей цѣнности и какъ бы размѣнною монетой для гривенъ, въ древней Россіи еще находились въ обращеніи денежные знаки *векши* или *вѣверицы*. Пока мы видѣли ихъ въ Русской Правдѣ, а позже увидимъ,—но только *векшу*,—въ торговыхъ договорахъ и другихъ государственныхъ актахъ, напр. въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою 1229 года есть такое постановленіе: „Аже Латинский купить гривну серебра дати ему вѣсцу двѣ *векши*“ и т. д. Упоминается векша и въ позднѣйшихъ актахъ и договорахъ, а послѣднее извѣстіе объ ней находимъ въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ Велик. княземъ Іоанномъ III (1471 г.); въ ней постановлено: „...а отъ воза имати мыта по двѣ *вѣкши*“.

Въ полномъ значеніи ходячей цѣнности векша является въ чинѣ погребенія братіи по Уставу Студійскому, въ которомъ положено: „свѣщи въ единому векшу“[1].

Но что такое представляла собою *векша?* была ли она цѣльною шкуркою, или только частью шкурки, т. е. лоскуткомъ, или металлической монетой, на

[illegible]

вѣкшу или бѣлку. Но такое объединеніе столь различ-
ныхъ названій, изъ коихъ половина указываетъ на
звѣрька съ бѣлымъ мѣхомъ, - есть ошибка, которая,
но, произошла отъ того, что мы въ настоящее
вѣкшу называемъ бѣлкой. Но векша маленькій

звѣрекъ рыже-краснаго цвѣта съ бѣлымъ брюшкомъ, а послѣ линянія, зимою, векша становится пепельно-сѣраго цвѣта; слѣдовательно *векша никогда не бываетъ бѣлой*, если же ее въ настоящее время зовутъ *бѣлкой*, то это указываетъ, что названіе *бѣлка* перенесено на векшу въ болѣе позднѣе время съ другаго звѣрька, съ которымъ ее когда-то смѣшивали и который наконецъ получилъ свое настоящее имя[2]. И дѣйствительно, въ старину,—какъ намъ уже извѣстно, векшу смѣшивали съ горностаемъ, на что указываетъ его древнѣйшее названіе: *бѣлая векшица* и *бѣлая вѣверица*.

А поводовъ для смѣшиванія векши съ горностаемъ, или наоборотъ, горностая съ векшей, было достаточно. Горностай, почти при равной величинѣ съ векшей, жилъ, какъ и векша, въ лѣсахъ на деревьяхъ, причемъ не всегда бывалъ чисто-бѣлымъ, ибо, съ началомъ таянія снѣговъ, горностай становится грязновато-бѣлымъ, а къ лѣту его мѣхъ на брюшкѣ становится желтовато-бѣлымъ, какъ бы подпаленымъ, почему такой мѣхъ иногда называли „*подпаль*“.

Что же касается вѣверицы, то нужно признать, что векша и вѣверица есть названія однозначущія, а какъ денежные знаки,—равноцѣнные, на это указываетъ Русская Правда, въ нѣкоторыхъ спискахъ которой вирникъ беретъ „*по 12 векошъ*“, а въ другихъ,—по „*12 вѣверицы*“ и т. д.

Относительно природы денежнаго знака векши или вѣверицы, которую въ большинствѣ случаевъ называютъ *бѣлкой*, мнѣнія изслѣдователей сильно расходятся; такъ:

Болтинъ думаетъ, что „вѣверица есть названіе монеты“[3].

Татищевъ векшу признаетъ за кожаный лоскутокъ,—увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ[4].

Карамзинъ говоритъ: „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей куницъ и *бѣлокъ*... Скоро неудобность носить съ собою цѣльныя шкурки для купли подала мысль замѣнить оныя мордками и другими *лоскутками* куньими и *бѣльими*"[5].

С. Соловьевъ буквально слово-въ-слово повторяетъ сказанное Карамзинымъ[6].

Пр. Прозоровскій: „Векша была *мѣдяница*, столь же ничтожная, какъ византійская нумія"[7].

Вообще же современные взгляды на денежный знакъ векшу или бѣлку энциклопедическій словарь такъ резюмируетъ: „Послѣ долгихъ колебаній, считать ли бѣлку за шкуру, служившей монетной единицей, или за серебреную монету, названную такъ по цвѣту,—установлено: что *бѣлки—шкурки бѣлокъ,* служащія мѣновой цѣнностью..."[8].

Векша вошла въ нашу древнѣйшую денежную систему, вѣроятно, въ слѣдствіе потребности въ денежныхъ знакахъ меньшей цѣны, чѣмъ куна, причемъ малый вѣсъ, незначительный объемъ и повсемѣстное распространеніе векши, уподобляли ее монетѣ, ибо, благодаря ея объему и вѣсу, векшу удобно было носить и передавать изъ рукъ въ руки, а также и перемѣщать даже на очень большія растоянія. Иноземцы мѣхъ векши,—какъ и вообще всякій мѣхъ,—принимали очень охотно, почему векша или бѣлка въ громадномъ количествѣ изъ Россіи вывозилась заграницу.

Относительно векши можно сказать, что она во времена Ярослава I, и ранѣе, представляла собою са-

мый дешевый, недѣлимый денежный знакъ, почему цѣна ее была самая ничтожная, на это указываютъ разные списки договорной грамоты Смоленска съ Ригою 1229 г. Въ одномъ спискѣ сказано, что нѣмецъ, продавъ гривну золота, не даетъ *„ничего“*; а въ другомъ спискѣ, вмѣсто слова „ничего“, поставлено—*„ни векши“*.

Но не смотря на ничтожность цѣны векши, она все таки должна была имѣть свой курсъ по отношенію къ другимъ русскимъ денежнымъ знакамъ. Карамзинъ говоритъ:—„Сколько векшъ было въ кунѣ?—не знаю, но не болѣе 10; издатель Русской Правды (Болтинъ) пологаетъ въ гривнѣ 400 векшъ, а Татищевъ 380“[9].

Бекетовъ въ 1 кунѣ считаетъ 18 векшъ, слѣдовательно въ гривнѣ,—которая равнялась 50 кунамъ,—векшъ заключалось—900[10].

Я же пологаю, что есть указанія, на основаніи которыхъ можно сказать, что:—

20 векшъ равнялись 1 кунѣ, а

1000 векшъ равнялись 1 гривнѣ.

Эти указанія таковы:

1) Въ Русс. Правдѣ постановлено вирнику давать по 12 векшъ; изъ этого можно сдѣлать выводъ, что въ кунѣ было болѣе 12 векшъ,

2) Въ такъ называемомъ Дрееровскомъ договорѣ,—который, по мнѣнію Карамзина, относится къ XIII вѣку,—есть постановленіе: „...гость платитъ вѣсовщику *9 векшей съ капи*“ (9 Schin de Cap). А въ Смоленскомъ договорѣ 1229 г. постановлено: вѣсцу платить *„съ двухъ капь одну куну“*.

Сравнивая въ этихъ договорахъ приведенные

здѣсь вѣсовыя пошлины, получимъ выводъ, что *18 векшъ равнялись 1 кунѣ.*

На основаніи этого сравненія Бекетовъ пришелъ къ заключенію, что 1 куна=18 векшамъ.

Но откуда такой странный счетъ *по 18*, сейчасъ увидимъ.

3) Въ XV вѣкѣ, когда горностай получилъ свое настоящее имя, то его прежнюю кличку *бѣлка, бѣль* перенесли на векшу, которая до настоящаго времени такъ называется, хотя никогда не бываетъ бѣлой. Объ этихъ бѣлкахъ Герберштейнъ, жившій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, пишетъ: „Въ Россіи бѣльчьи шкурки продаются связками по 10 штукъ вмѣстѣ. Въ каждой связкѣ двѣ самыхъ лучшихъ шкурки называются личными, три нѣсколько по хуже—красны, четыре—покрасны, а послѣдняя, десятая, хуже всѣхъ“[11]. А такъ какъ правительственная сортировка для мѣховъ имѣла *только три сорта,* то надо думать, что десятая шкурка, *худшая изъ плохихъ у ничего нестоющей векши, въ счетъ не шла,* вслѣдствіе чего связка векшъ въ 10 шкурокъ *считалась за 9 векшъ или бѣлокъ,* а двѣ такихъ связки —за 18 векшъ, а поэтому 10 такихъ связокъ считались не за 100 векшъ, а только *за 90 векшъ* или бѣлокъ.

На такой счетъ—десять шкурокъ, за девять,—въ древней Россіи указываютъ: часто упоминаемая въ Русской Правдѣ пеня въ 9 векшъ, вѣсовая пошлина въ 9 векшъ, и выводъ изъ сравненія вѣсовыхъ пошлинъ, что 18 векшъ равны 1 кунѣ.

Если всѣ эти соображенія справедливы,—то векша,—сдѣлавшись только товаромъ, должна была въ мелочной торговлѣ, гдѣ она обращалась разсортированной въ десятки, считаться не сотнями (10 свя-

зокъ по 10 векшъ въ каждой), *а по девяносту* (10 связокъ, каждая со счетомъ по 9-ти). А въ оптовой торговлѣ,—гдѣ векша принималась и сдавалась не разсортированною,—она должна была считаться *тысячами*, ибо *у неразсортированной векши всѣ шкурки въ счетъ принимались.*

Такъ въ дѣйствительности и было! въ этомъ убѣждаетъ насъ иноземецъ Герберштейнъ и письменные памятники XV и XVI вѣка.

Герберштейнъ пишетъ: „у Русскихъ для мѣховъ употребляется такой способъ счисленія: по сороку и *по девяносту;* считая, они повторяютъ: два сорока, три сорока, и т. д., или *два девяносто, три девяносто* и т. д.[12].

Мы знаемъ, что счетъ *по сороку* относился къ бывшимъ кунамъ: соболю, куницѣ и горностаю, а счетъ *„по—девяносту“*, вмѣсто ста, можетъ быть счетомъ только для разсортированной векши или бѣлки; въ оптовой же торговлѣ и вообще въ пріемѣ большихъ партій неразсортированная векша или бѣлка считалась *тысячами.*

Такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1425 годомъ читаемъ, что Новгородцы ходили ратью къ Устюгу: „и взяша на нихъ, Устюжанахъ, окупъ *50000 бѣлки* и 6 сороковъ соболей“ (ꙋ бѣлки и ѕ сороковъ соболей).

Въ Уставной грамотѣ 1586 года постановлено брать пошлины съ *„1000 бѣлки* шуванскія и устюжскія по 4 деньги, а съ 40 соболей добраго, средняго и плохаго по алтыну, а съ 40 куницъ по 2 деньги,“[13].

Въ Русской торговой книгѣ поручается: „...бѣлки продати за 1000 по 40 ефимковъ..., а куницы за 40 штукъ по 40 ефимковъ...“[14] и т. д.

Въ этихъ примѣрахъ для *неразсортированной* бѣлки или векши вездѣ счетъ ведется на *тысячи.*

Ко всему вышеизложенному считаю необходимымъ добавить еще слѣдующее соображеніе: Въ Московской Руси, до введенія собственной металлической монеты, *куны*, т. е. гривны-кунъ и куны одинцы, въ одно и тоже время и были *денежными знаками* и *товаромъ;* поэтому, когда у кунъ было отнято значеніе денегъ, то они остались только товаромъ, но съ прежней своей кунной организаціей, почему куны въ торговлѣ продолжали обращаться и въ *прежнемъ своемъ видѣ* и съ *прежнимъ своимъ счетомъ.* Такъ соболь, куница и горностай,—составляя нѣкогда гривны или сорочки,—сдѣлавшись только товаромъ, продолжали обращаться *связками со счетомъ по сороку.*

Почти тоже самое случилось съ векшей или бѣлкой.

Векша въ княжескую казну поступала большими партіями, неразсортированною. Въ такихъ партіяхъ каждая шкурка шла въ счетъ, а счетъ велся тысячами.

Послѣ сортировки изъ векшъ составляли связки по 10 шкурокъ въ каждой, причемъ одна изъ шкурокъ, самая плохая, въ счетъ не принималась. Каждая такая связка представляла собою денежный знакъ, по цѣнѣ равный $1/2$ кунѣ, и хотя она состояла изъ 10 шкурокъ, но считалась за *„9 векшъ“*. А двѣ такихъ связки, по цѣнѣ равнявшіяся 1 кунѣ, считались за 18 векшъ. Ясно, что и десять такихъ связокъ должны были считаться не за *сотню,* а за *девяносто.*

Поэтому, когда въ XV вѣкѣ векша въ отдѣльныхъ шкуркахъ и въ связкахъ потеряла значеніе денегъ, и сохранила значеніе только товара, то, по жи-

вучести многовѣковыхъ обычаевъ, она въ торговлѣ продолжала обращаться связками, состоящими изъ 10 шкурокъ, но такія связки, какъ и до XV вѣка, продолжали считаться за „9 векшъ“ или бѣлокъ, почему десять такихъ связокъ принимались не за *сотню,* а за *девяносто* шкурокъ, что удостовѣряетъ очевидецъ Герберштейнъ; онъ говоритъ, что Русскіе, при покупкѣ и продажѣ мѣховъ (векши), считая, повторяютъ: *два девяносто, три девяносто* и т. д. А не разсортированная векша, какъ и прежде, продолжала считаться тысячами.

Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго общій выводъ будетъ такой:

Связка въ 10 векшъ,--считавшаяся за девять шкурокъ, равнялась $1/2$ кунѣ.

А двѣ связки, т. е. 20 векшъ, считавшіяся за 18 шкурокъ, равнялись 1 кунѣ.

А такъ какъ въ гривнѣ заключалось 50 кунъ, то 1000 векшъ по цѣнѣ равнялись 1 гривнѣ-кунъ.

Векша или бѣлка въ такомъ количествѣ представляла объемъ до крайности неудобный для носки и для передачи изъ рукъ въ руки, поэтому она на составленіе гривенъ-кунъ не употреблялась. Вообще же векша,—представляя собою самую малую денежную единицу, которую по цѣнѣ и по ея служебной роли можно приравнять къ современной намъ $1/4$ копѣйки,—для производства большихъ платежей не годилась, поэтому векша служила размѣнною монетою для кунъ-одинцовъ и употреблялась при самыхъ мелкихъ расчетахъ, когда требовалось произвести уплату по стоимости менѣе одной куны.

Дальнѣйшая исторія кунъ должна разсматриваться параллельно съ металлическими денежными

знаками, поэтому отношеніе кунъ къ золоту и серебру, паденіе ихъ цѣны и уничтоженіе кунъ, все это будетъ обстоятельно описано во II части моего труда.

Кромѣ описанныхъ мною *„кунъ“*, въ Русской лѣтописи мы два раза встрѣчаемъ неизвѣстный намъ денежный знакъ, подъ названіемъ *щелягъ;* именно: въ 885 году Олегъ требуетъ отъ Радимичей дань, которую они платили Козарамъ *„по щелягу“*. А въ 964 году на вопросъ Святослава: кому платите дань? Вятичи отвѣчали: „Козаромъ *по щелягу* отъ рала даемъ“,

Денежный знакъ *„щелягъ“* обращался у Радимичей и Вятичей только во время ихъ подчиненія Козарамъ, а съ прекращеніемъ господства Козаръ, у названныхъ племенъ прекратилось и употреленіе *щеляговъ,* которые замѣнились *кунами,* повсемѣстно обращавшимися въ Россіи; поэтому въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ *о щелягахъ* уже болѣе не упоминается.

Ясно, что *щелягъ* былъ не русскій денежный знакъ, а Козарскій, т. е. иноземный, а описаніе такихъ денежныхъ знаковъ въ мою программу не входитъ.

Конецъ I части.

М. С. Левшиновскій.

Примѣчанія къ I части.

ГЛАВА I.

№ *Стр.*

[1]. Истор. Россіи съ древн. временъ. Т. I. С. Соловьевъ. 1

[2]. Истор. Государ. Россійскаго. Т. I. Н. Карамзинъ. 2

[3]. Даже въ XV и XVI вѣкахъ Русскій народъ разныя пошлины и оброки уплачивалъ предметами сельскаго хозяйства, какъ-то: хлѣбомъ разныхъ сортовъ, льномъ, солодомъ, хмѣлемъ, дровами (возами и саженями), возами лучины, пряжей, рыбой (три невода по 20 рыбъ), „а во пчелахъ изъ меда половье“, баранами, цѣльными и частями, курами, тетеревами, зайцами, яйцами, масломъ, кочнами капусты, пирогами пряжеными, калачами, шерстью (4 руна) овчинами, бѣлками и т. д. . . 4

Новгородскія писцовыя книги. Деревская пятина Т. II. Изд. Арх. ком.

[4]. Тіунъ,—узнавъ о прибытіи гостей къ границѣ,—обязанъ былъ за умѣренную плату доставить имъ перевозочныя средства, причемъ за безопасность гостей и за цѣлость ихъ товаровъ отвѣчали жители страны. Въ Новгородѣ (и другихъ городахъ) для гостей отводили безплатно мѣста подъ устройство ихъ товарныхъ складовъ и жилищъ. Такія мѣста

№ *Стр.*

назывались *„Гостинными дворами“*. Гостямъ позволялось строить церкви, такъ въ Новгородѣ у нѣмцевъ была церковь во имя Св. Петра, а у Готландцевъ- -св. Олафа. (Готландцы не называются *„нѣмцами“*, не указываетъ ли это, что Новгородцы и Готландцы другъ друга понимали!) Когда гостинный дворъ запирался, то никто, кромѣ княжескаго посла, не смѣлъ входить во дворъ. Если же кто осмѣливался ломать ворота или ограду двора, бросать во дворъ стрѣлы или камни, тотъ наказывался большою денежною пенею. Гость за привозимые и вывозимые товары пошлины не платилъ. Купленный и вынесенный съ гостиннаго двора товаръ—обратно не принимался. Вѣсы и мѣры гостиннаго двора могли повѣряться два раза въ году тѣми мѣрами, которыя хранились въ нѣмецкой церкви. При несостоятельности русскаго прежде всего удовлетворялись претензіи иноземцевъ. Гости между собою судились, по своимъ законамъ, у своихъ старшинъ (Oldermanno), а при столкновеніяхъ съ русскими, гость жаловался князю, а русскій—ольдерману. Гость судныхъ пошлинъ не платилъ. Убійство и оскорбленія наказывались большою денежною пенею, и т. д. 4

Эти и многія другія благопріятныя для иноземцевъ постановленія находятся въ договорахъ XIII вѣка—Смоленскомъ и такъ называемомъ Дреeровскомъ.

5. „Договоры Олега, Игоря и Святослава, какъ можно думать, переведены съ греческаго и

№		Стр.
	внесены въ переводѣ въ сводъ цѣликомъ". Лекціи по Русской исторіи. Н. Костомарова. „Въ Троицкой лѣтописи относительно договора Олега съ Греками есть такое выраженіе: „многожды правосудихомъ (о мирѣ), но точію *правословесно*", а въ другомъ: *„простословесно"*, изъ чего должно, кажется, зключить, что прежнія условія не были письменныя".—Истр. Гос. Росс. Т. I пр. 319. Карамзинъ. . . .	5
6.	Безсудная Мстиславова грамота, или договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича (Александра) съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г.—Русск. достопамятности ч. II и Собр. Госуд. Грамотъ.	5
7.	Истр. Гос. Росс. Т. I Карамзинъ . . .	5
8.	Что въ началѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній иноземные купцы пріѣзжали къ князьямъ, а не къ Новгородцамъ или Смолянамъ, это видно изъ разсказа Нестора о убіеніи Аскольда и Дира: „И посла Олегъ ко Осколду и Дирови, глаголя сище: *яко гость* есмь..., да придѣше къ намъ... Асколдъ же и Диръ придоста къ нимъ...".	5

Въ старину, въ Россіи, слово *„гость"* означало *почетное званіе*. Катошихинъ (О Россіи въ царств. Алексѣя Мих.) говоритъ: „Гости бываютъ гостиннымъ именемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ...".

Болтинъ слово *„гость"* производитъ отъ шведскаго Gast, а редакторъ „Русскихъ достопамятностей" Ч. II, Д. Дубенскій пологаетъ,

№ *Стр.*

что „Гость можетъ быть отъ слова Готь, Готъ, Готфъ“.

9. Русско-Ливонскіе акты № CLXIV и Истр. Росс. съ древн. временъ С. Соловьевъ . . . 5

10. Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Прилож. XIII, изд. Арх. ком. 6

11. Эти извѣстія взяты изъ книги: „Критическ. изслѣдованія о древ. русск. монетахъ, гл. XV. Фил. Кругъ. 6

12. Въ подлинникѣ, писанномъ по латыни: „Karolus cum Nortmannis in quatuor millium libris argenti ad pensam corum paciscitur, et indicta per Regnum suum conlatione ad idemexsolvendum tributum...“ Ф. Кругъ, Гл. XV. . . 7

13. „Русская торговая книга“ И. Сахарова. . 8

14. Истр. Гос. Росс. Т. I, Карамзинъ. . . . 8

15. Русск. торг. кн. И. Сахаровъ. . . . 8

16. Софійскій временникъ. Ч. II, П. Строевъ. . 9

17. Русск. торг. книга. И. Сахаровъ. . . . 9

18. О Россіи. Катошинъ. 10

19. Русск. торг. книга. И. Сахаровъ. . . . 10

20. Русск. лѣтопись. 10

21. Въ „Уставѣ Вел. князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ“ сказано: „Погадавъ Всеволодъ съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и съ десятью сотскими и съ старостами: далъ есмь судъ и мѣрила иже на торгу Святѣй Богородицы въ Кіевѣ и Митрополиту, а въ Новѣгородѣ Святѣй Софіи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новугороду мѣрила торговыя, скальвы вощаны, пудъ ме-

№ Стр.

довый и *гривенку рублевую* и локоть Еванскій и свой оброкъ...". 11

[22]. Стриковскій въ старинномъ русскомъ переводѣ. Истр. Гос. Росс. Т. I. Карамзинъ . . 11

[23]. Договоры Русскихъ князей и городовъ. № 48. Договорная грамота Вел. князя Рязанскаго Ивана Федор. съ княземъ Георгіемъ Дмитр. Галицкимъ 1433 г. 12

[24]. Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыд. съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. §§ 28 и 34. 12

[25]. „Гость" уже упоминается въ договорѣ Олега съ Греками; а въ договорѣ Игоря съ Греками уже есть такое постановленіе: „Носяху послы печати златы, а *гостіе* сребряны" и т. д. 12

ГЛАВА II.

[1]. „Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ. Абу-Али-Ахмеда-Бенъ-Омаръ-Ибнъ Даста.—Д. Хвальсонъ. 15

[2]. Критич. разъиск. о древн. русск. монетахъ. Гл. XI. Фил. Кругъ. 16

[3]. Истр. Росс. съ древн. временъ Ч. I. С. Соловьевъ 16

[4]. Ф. Кругъ въ примѣчаніи къ черной кунѣ пишетъ: „Адамъ Бременскій также говоритъ о *бѣлыхъ куницахъ:* „Bisontes capiuntur in

№ *Стр.*

Slavania et Ruzzia: sola vero Norimannia vulpes habet nugras... martures alios". Криг. разыск. о древн. русск. монетахъ. Гл. XI . 17

5. Карамзинъ говоритъ: „первое извѣстіе о соболѣ даетъ Эбнъ Гаукаль: „Арта производитъ... звѣря. называемаго черною куницею или скиѳскимъ соболемъ". Истр. Гос. Росс. Т. I. пр. 516 17

Въ „Сказаніяхъ Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ". въ книгѣ „Путей и Государствъ" Абдулъ Касима Мухамеда. извѣстнаго подъ названіемъ Ибнъ Гаукаля. сказано просто: „Изъ Арты вывозятъ черные соболи, черныя лисицы и свинецъ", а о „скиѳскихъ соболяхъ" не упоминается.

6. Истр. Росс. съ древн. временъ Т. I. С. Соловьевъ 17

7. Подъ названіемъ „Византины" (Byzantius. Bizantinus и т. пд.) разумѣлись всѣ золотыя монеты, битыя при греческихъ императорахъ въ Константинополѣ или Византіи. Византины начали появляться въ Запад. Европѣ со времени крестовыхъ походовъ... Съ IX по XIV ст. это была почти единственная ходячая золотая монета въ Европѣ.—Энцикл. Словарь 18

8. Въ лѣтописи подъ 964 г. читаемъ: „Святославъ ходя, возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину, звѣрину или говядину, на углехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше..." Такое опи-

№ *Стр.*

саніе скорѣе было бы къ лицу простаго номада, а не Великаго князя! 19

А подъ 996 годомъ въ лѣтописи читаемъ,—что дружина на пиру у Владиміра стала роптать: „зло есть нашимъ головамъ ясти деревяными ложицами, а не серебряными. И се слышавъ, Володимеръ повелѣ исковати лжицы сребряны...“

Любитель русской старины Н. Муравьевъ, говоря о маломъ распространеніи серебра въ Россіи, замѣчаетъ: „Вел. князь Св. Владиміръ вѣроятно изъ первыхъ русскихъ князей кушалъ серебряной ложкой“.

9. Критич. разыск. о древн. русс. монетахъ. Гл. XI. Ф. Кругъ 20

10. Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ . . 20

11. „Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурками звѣрей...“ и т. д. Истр. Росс. съ древн. временъ. Т. I. 246. С. Соловьевъ. 20

12. О цѣнностяхъ въ древней Руси. Мих. Заблоцкій 21

13. Журн. „Народное хозяйство“. Ст. „Примитивныя деньги“. В. В. Свѣтловскаго 2 . . 21

14. 22

15. Брокгаузъ и Ефронъ. Энцикл. словарь. „куны“ 22

16. Уставная грам. Новгор. князя Святослава 1137 г. Русск. достопр. Ч. I. V. . . . 22

17. Русско-Ливонскіе акты. № 1 23

18. Истр. Гос. Росс. Т. V. пр. 244. Н. Карамзинъ. 23

19. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ и пр. Ибнъ Даста. Гл. III. § 7. Д. А. Хвальсонъ . . 24

20. Ахметъ де Ту (de Tous), писавшій въ 555 г.

№ *Стр.*

Гиджры, т. е. въ 1160 году. Обозр. русск. денегъ и иностр. монетъ...“ Баронъ де Шодуаръ 24

Ахметъ де Ту--не будетъ ли это—Ахметъ де Туси?

21. Въ Новгород. лѣтоп. подъ 1410 годомъ читаемъ: „Новгородцы того же лѣта начаша торговати промежи себя Лобци, и Гроши Литовскими, и Артугы Нѣмецкими, а куны отложиша“. Позднѣйшіе переписчики это извѣстіе исказили до неузнаваемости, напр. вмѣсто *„Лобцы“*, что, какъ увидимъ ниже, означало пфенинги г. Любека, они поставили *„бѣльи лобки“* и т. пд. и тѣмъ дали поводъ къ легендѣ *„о бѣльихъ лобцахъ“*, *„бѣльихъ лапкахъ“* и т. пд. фантастическимъ денежнымъ знакамъ, что въ своемъ мѣстѣ мною будетъ доказано . 25

ГЛАВА III.

1. Павелъ Іовій, бывшій въ Россіи въ XVI вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что Русскіе „Прежде продавали мѣха гораздо дешевлѣ, ибо жители отдаленнаго сѣвера, по простотѣ своей, не рѣдко *мѣняли ихъ на самыя дешевыя и маловажныя вещи“*.—Сказаніе иноземцевъ о Россіи. Д. Герасимовъ 27

2. Статья А. Лемана въ „Отголоскахъ“ газ. „Свѣтъ“ 1902 г. № 187. 28

3. „Описаніе древней новгородской гривны и ея рублей, съ нѣкоторыми понятіями о древно-

№ Стр.

русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Р. Пр. до насъ дошла въ нѣсколькихъ спискахъ, которые между собою всѣ немного расходятся. Р. Пр. помѣщена въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, и отдѣльно въ Кормчихъ книгахъ (собраніе греческихъ церковныхъ уставовъ). Древнѣйшій списокъ Русс. Пр. найденъ въ Кормчей книгѣ XIII вѣка, и хранится въ Москвѣ въ Синод. библіотекѣ. Я пользовался Русс. Пр., напечатанной: а) въ Русс. достопамятностяхъ, I и II ч. б) въ „Софійскомъ временникѣ“ Строева и в) въ Новгор. синод. лѣтописи 34

В. Татищевъ въ „Предъизвѣщеніи“ къ Русс. Правдѣ говоритъ „... Аврамій Ростовскій ... обаче многія обстоятельства достаточно увѣряютъ, что сей законъ (Русс. Пр.) за нѣсколько сотъ лѣтъ до Ярослава сочиненъ...“; упоминается еще „старобытная правда русская“...

11. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русс. Правды есть статья „О конѣ“, слѣдующаго содержанія: „А кто конь купитъ, (а конь будетъ съ порокомъ), то пойдетъ къ осподарю, у кого будетъ купилъ, а тому свое *серебро* взяти опять въ задъ...“. Здѣсь слово *серебро* упоминается въ смыслѣ *денегъ*. Карамзинъ эту статью, *какъ позднѣйшую вставку*, не внесъ въ свой списокъ Русс. Правды, потому что „въ истинныхъ законахъ Ярослава не упоминается о серебрѣ, монеты вездѣ выложены на куны“. Въ другомъ мѣстѣ относительно серебра Карамзинъ выражается еще опредѣленнѣе, имен-

№ *Стр.*

ГЛАВА IV.

ГЛАВА VI.

№		*Стр.*
9.	Истр. Гос. Росс. Т. I. Н. Карамзинъ. . . .	67
10.	Русск. достопамятн. Ч. II и Соф. врем. ч. I.	68
11.	Къ сожалѣнію, я съ трудами Бекетова совершенно не знакомъ; мнѣ извѣстны только нѣкоторые его выводы въ окончательной формѣ, которые я встрѣтилъ у Карамзина и Шодуара, и которые я здѣсь привожу	70
12.	В. Татищевъ. Примѣч. къ Русс. Правдѣ, § 23.	70
13. 14.	Истр. Гос. Росс. Н. Карамзинъ. . . .	71

ГЛАВА VII.

1.	Энцикл. слов. „Векша", Брокгаузъ и Ефронъ.	74
2.	„По справедливому замѣчанію Савельева, слово *бѣлка* показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ" Истр. Росс. Т. I, пр. 152. С. Соловьевъ	76
3.	Примѣчаніе къ Исторіи древнія и нынѣшнія Россіи, Леклерка. Ч. I. Болтинъ . . .	76
4.	Примѣчаніе къ § 25 Русс. Правды. В. Татищевъ.	77
5.	Истр. Гос. Росс. Т. I. Карамзинъ . . .	77
6.	Истр. Росс. съ древ. временъ Т. I, стр. 246. С. Соловьевъ	77
7. 8.	Энцикл. слов. Брокгаузъ и Ефронъ. „Въ книгѣ Іоанна Мосха „Ликъ Духовный" *векшею*	77

2 —
138736 /63
60

DATE DUE		